

Дарья Донцова

Юлие из Золотого Метлика

ПРОЩЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Донцова
Филе из Золотого Петушка
Серия «Виола Тараканова. В мире
преступных страстей», книга 8

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118891

*Дарья Донцова. Филе из Золотого Петушка. Роман: ЭКСМО; Москва;
2006*

ISBN 5-699-10430-5

Аннотация

Вместо того чтобы закончить рукопись очередного детектива, дернула меня, Виолу Тараканову, нелегкая согласиться поехать на свидание к типу, с которым через Интернет познакомилась моя подруга Настя. На сайтах и чатах он тусовался под кличкой Великий Дракон. Настя – модный парикмахер, очень богата, ездит на розовом «мерсе», но вот мужа у нее нет. Сама она почему-то поехать на встречу не смогла, загримировала меня и отправила вперед и с песнями... Через пять минут после моего появления к этому Дракону явились бандиты, и я еле унесла ноги. А потом Настю похитили, Великого Дракона, в миру Диму, убили, а мне предстоит, чтобы спасти подругу, найти что-то непонятное и вернуть это НЕЧТО какому-то Мартыну. Поиски привели меня в

салон, где работал Дима по иронии судьбы тоже парикмахером.
Уж лучше бы я вошла в клетку с голодными тиграми!..

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	44
ГЛАВА 5	62
ГЛАВА 6	74
ГЛАВА 7	87
ГЛАВА 8	101
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Филе из Золотого Петушка

Дарья Донцова

Вместо того чтобы закончить рукопись очередного детектива, дернула меня, Виолу Тараканову, нелегкая согласиться поехать на свидание к типу, с которым через Интернет познакомилась моя подруга Настя. На сайтах и чатах он тусовался под кличкой Великий Дракон. Настя – модный парикмахер, очень богата, ездит на розовом «мерсе», но вот мужа у нее нет. Сама она почему-то поехать на встречу не смогла, загримовала меня и отправила вперед и с песнями... Через пять минут после моего появления к этому Дракону явились бандиты, и я еле унесла ноги. А потом Настю похитили, Великого Дракона, в миру Диму, убили, а мне предстоит, чтобы спасти подругу, найти что-то непонятное и вернуть это НЕЧТО какому-то Мартыну. Поиски привели меня в салон, где работал Дима по иронии судьбы тоже парикмахером. Уж лучше бы я вошла в клетку с голодными тиграми!..

ГЛАВА 1

Критиковать – значит объяснять человеку, что он делает что-то не так, как делал бы ты, если бы умел. Не знаю, как вас, а меня фраза, начинающаяся словами: «Вилка, эй, ты делаешь это неправильно...» – доводит до бешенства, в особенности если ее произносит мой муж Куприн. Как все мужчины, Олег уверен, что он единственный владеет знаниями по всем вопросам. С абсолютной уверенностью в своей правоте Куприн рассуждает о политике, спорте и кино. Причем если послушать его, то получается, что уровень жизни в нашей стране низок оттого, что Олег просто не захотел разругать ситуацию, а наша сборная по футболу проигрывает потому, что руководит ею феерический козел, которому не ясно, что в первую очередь... Дальше я цитировать мужа не стану, поскольку путаюсь в футбольных терминах. Впрочем, пока речь идет о голах и войне на Ближнем Востоке, я готова довольно спокойно выслушивать нравоучения мужа, но, к сожалению, на этом он не останавливается и активно вмешивается в мои дела.

Вот и сегодня, оставшись дома, Олег решил заняться домашним хозяйством. Сначала он принялся учить меня мыть посуду.

– Капай мыло не на тарелку, а на губку.

– Какая разница, – попыталась я сопротивляться.

– Большая, – не сдался Куприн, – получится больше пены.

Я скрипнула зубами, но, поскольку семейный скандал не входил в мои планы, сдержалась.

Затем Олег встал около меня и занудил:

– Ты что режешь?

– Капусту.

– Зачем?

– Хочу щи сварить.

– Неправильно, надо шинковать лист помельче, а морковь крупно. Ой, не клади первым лук в кастрюлю!

– Почему?

– Сначала нужно опустить в бульон картошку!

Я снова промолчала, и далось мне это намного трудней, чем в случае с посудой.

Когда я прокручивала мясо, Олег заорал:

– Что ты делаешь?

– Фарш для котлет.

– Господи, ты смешиваешь свинину с говядиной?!

– Конечно, так все поступают. Котлеты из двух видов мяса получаются нежными и сочными.

– Бред!

– Но так написано в кулинарной книге, – терпеливо ответила я, отставила в сторону миску с фаршем, открыла замусоленное издание и сунула мужу под нос. – Читай.

Тот медленно изучил главу и заявил:

– Ерунда! Я все думал: отчего у меня желудок болит? А

оказывается, ты просто не умеешь готовить!

Вот тут я обозлилась и сердито поинтересовалась:

– Если ты столь хорошо разбираешься в кулинарии, отчего бы тебе самому не приготовить обед? С удовольствием уступлю тебе место у плиты, у меня рукопись еще не дописана.

– Кстати! – подскочил Олег. – Я тут прочел твой опус, с позволения сказать, детектив, и должен сообщить...

– Лучше помолчи, – прошипела я.

Если я могу стоически переносить все тычки и уколы как нерадивая хозяйка, то ни слова критики, даже самой объективной, не собираюсь выслушивать в адрес моих криминальных романов.

Но Олег уже понесся на лихом коне критики, размахивая над головой шашкой. Чем дольше он говорил, тем хуже мне становилось. Сначала я попыталась сосредоточиться на котлетах, но голос Куприна, звонкий и ядовитый, просто въедался в печеньку.

Наверное, на моем лице появилось откровенно зверское выражение, потому что Томочка, гладившая тут же, на доске, рубашки, решила вмешаться:

– Олег, оставь Вилку в покое.

– Кто-то должен указать ей на ошибки! – воскликнул Олег. – Да она описывает абсолютно нереальные вещи, в жизни так не бывает.

– Это не жизнь, а криминальный роман, – вздохнула Та-

мара.

Куприн уставился на гладильную доску, помолчал секунду и заявил:

– Ты неправильно гладишь рубашки, нужно начинать не с воротника, а с рукавов.

Тома поставила утюг в проволочную корзинку и улыбнулась.

– Может, оно и так, но мне удобнее по-моему.

– Надо по-правильному, – обозлился Олег.

– И кто это сказал? – прищурилась я.

– А у тебя в романах одни глупости, – затопал ногами муж, – вы меня совершенно не уважаете, я даю вам советы, трачу свое время – и что? Что?

– Успокойся, – вздохнула я, – говори.

Олег разразился длинной тирадой. Минут пятнадцать он вещал без передышки, потом остановился и поинтересовался:

– Теперь ясно, как надо писать уголовные истории?

Я сунула пустую сковородку в мойку и не утерпела:

– Если я последую твоим советам, то у меня получится пособие «Как убить жену и остаться безнаказанным». Поверь, к литературному произведению это не будет иметь никакого отношения.

Олег побагровел, набрал полные легкие воздуха, и тут, по счастью, зазвонил телефон.

Я схватила трубку.

– Вилка, – зачастила наша с Томочкой подруга Настя Чердынцева, – ты что делаешь?

Я чуть было не ляпнула правду: «С мужем ругаюсь», – но потом вздохнула и сказала:

– Да так! Вот котлеты пожарила.

– А потом чем заняться собираешься?

– Ну... не знаю. Пуговицы надо к кофте пришить, еще постирать можно.

Настя хихикнула:

– Славная перспектива. Лучше приезжай ко мне, дело есть.

Я оглядела поле битвы. Красный от гнева Олег нервно курил на балконе. Стоит мне сейчас положить трубку и сесть около телевизора с иглой, как муженек снова начнет свои песни: то не так, это не эдак. Я, естественно, не сдержусь, скажу что-нибудь обидное, и день закончится скандалом. Нет уж, лучше удрать к Настёне.

– Сейчас, – пообещала я, – только оденусь.

– Ты куда? – закричал Олег, видя, что я бегу в прихожую.

Я притормозила. Сказать правду? Ни за что, Куприн обидится, в кои-то веки он остался дома в воскресенье, а жена удирает.

– ...Э...э, понимаешь, только что позвонили из издательства, я совершенно забыла! У меня сегодня встреча в книжном магазине, буду раздавать автографы.

– Погоди, я с тобой, – оживился Олег и пошел в спальню.

Проклинаю себя за глупость: нет бы сказать, что у Чердынцевой собралась рожать кошка и меня зовут в акушерки, я схватила с вешалки сумочку и была такова.

Уже садясь в «Жигули», я услышала писк мобильного.

– Немедленно отвечай: куда поехала? – сердито спросил Олег.

– К Насе Чердынцевой, – ответила я сущую правду, – у нее что-то случилось.

– Лучше вернись домой, – сухо велел Олег.

– Это почему? – обозлилась я и включила зажигание.

– Потому что ничего хорошего из этой поездки не выйдет, – вздохнул Куприн, – все, что связано с Чердынцевой, заканчивается головной болью.

Я швырнула мобильный на заднее сиденье и попыталась побороть злость. Ну почему большинство мужчин считают, что жена их раба, призванная безропотно вести домашнее хозяйство и выслушивать их поучения? И потом, если ты такой умный, то почему столь бедный? Между прочим, я, глупая, не умеющая писать даже криминальные романы писательница, зарабатываю намного больше Олега. Хватит, мне сегодня уже надоело быть объектом воспитания, да назло мужу отправлюсь к Настёне!

Когда-то мы с ней жили в одном дворе, вместе играли в классики и ходили в школу. Среди наших соседей по хрущевке практически не встречалось трезвенников. Если честно, на пять подъездов была только одна баба Лида, не глу-

шившая водку по каждому поводу, да и то праведный образ жизни старуха вела вынужденно, после того, как ей сделали тяжелую операцию, оттяпали почти весь желудок. По вечерам Лида выползала во двор и, оглядев баб с портвейном и мужиков с «беленькой», принималась охать:

– Наказал же меня господь! Все люди, как люди, отдыхают себе, а я, горемычная, дура душой сижу. И за что мне такое горе?

Но даже в нашем вечно пьяном дворе у людей случались трезвые периоды. Во всяком случае, жители пятиэтажки пытались худо-бедно работать, а вот родители Настёны «квасили» всегда, не задумываясь над тем, где взять денег на буханку черного хлеба и пакет кефира для детей.

Сколько у Настёны было братьев и сестер, я не знаю. Ее мать, худая, страшная тетка с черными пеньками зубов во рту периодически отращивала огромный живот. Затем в семье появлялся слабо питающий младенец, ну а потом, очень скоро, выносили маленький гроб. Из всех детей Чердынцевых выжила одна Настя, и то потому, что уже в два года удирала от родителей к соседям. Можно сказать, что Настёна была дочерью двора. Кто-то из соседей давал ей обед, кто-то ужин, кто-то дарил ботиночки, из которых выросли собственные дети.

Сами понимаете, что училась Настёна из рук вон плохо. Кое-как она дотянула до восьмого класса и была отправлена в ПТУ. Ей предложили на выбор две специальности: шту-

катура или парикмахера. Чердынцева не колеблясь решила учиться на цирюльницу. Ей было все равно, душа не лежала ни к одной профессии, но штукатур бегают зимой и летом по стройке, весь перепачканный раствором, а парикмахерша работает в теплом помещении возле раковины, над которой теснятся флаконы с приятно пахнущими шампунями.

Училась Настя кое-как, но азы профессии освоила и получила диплом. Чердынцеву, последнюю ученицу в группе, распределили в крохотную парикмахерскую на железнодорожной станции Переделкино, это двадцать минут езды от Киевского вокзала. Одно кресло, одна сушка и одна оббитая раковина. Здесь Настёне надо было отработать пару лет по распределению, а потом либо катиться на все четыре стороны, либо гнить тут до пенсии.

Контингент к ней ходил вполне определенный – бабы, желавшие сделать «мелкую» химию, мужики, просившие: «Ты, доченька, меня под полубокс обработай», и дети, которым нужно подровнять челки.

Самые большие чаевые, которые получала Чердынцева, исчислялись гривенником. В общем, до 1988 года жизнь Настёны отнюдь не сверкала яркими красками, и сказать о ней хорошего было нечего, кроме одного: она не пила, не брала в рот никакого алкоголя, никогда. Зато она курила, ругалась матом и считала, что постель – еще не повод для знакомства.

Многие люди, достигнув больших высот, не способны вспомнить: каким же образом они начали восхождение к

вершине, что их подтолкнуло на правильную дорогу? Настёна же могла назвать точное число, когда она внезапно выбралась из сточной канавы и устремилась по хорошо освещенному шоссе к славе и благополучию.

Седьмого июня 1988 года в ее убогую парикмахерскую влетела молодая девушка, с виду не старше самой Настёны, плюхнулась в кресло и взвыла:

– Дам сколько хочешь, только сделай что-нибудь!

Чердынцева оглядела посетительницу. Та была явно не из местных: стройная, шикарно одетая, осыпанная брюликами и облитая французской парфюмерией. Впрочем, за переездом располагался поселок писателей, но оттуда клиенты к Настёне никогда не приходили, у детей и жен литераторов имелись свои мастера, у них не было необходимости причесываться в пристанционной парикмахерской за две копейки.

– А что делать? – осторожно спросила Настя.

Девушка мотнула густой белокурой гривой:

– Не видишь? Чмо!

Настя уставилась на густые волосы, явно причесанные дорогим парикмахером, и поняла суть проблемы. Девушка хотела сама сделать укладку, намотала прядь на щетку, а размотать не сумела и так, со щеткой, явилась к ней.

Примерно полчаса Настя под неумолчный визг девицы пыталась освободить ее волосы, а потом, потерпев неудачу, взяла ножницы и попросту отхватила спутанную прядь. Девушка взвизгнула:

– С ума сошла! У меня сегодня концерт в «Метелице», как я буду с такой головой петь?

– Сейчас, сейчас, – забормотала Настя, пытаюсь исправить оплошность, – секундочку.

Через тридцать минут девица стала похожа на кошмар. О рваных челках и градуированной прическе в те годы слыхом не слыхивали, певица едва не упала в обморок, увидав себя в зеркале.

Чуть не убив Чердынцеву и не заплатив ей ни копейки, эстрадная дива унеслась. Настя, тихо радовавшаяся, что ее не избили, подмела белокурые волосы и приступила к очередной «мелкой» химии.

Представьте теперь ее изумление, когда на следующий день, в районе полудня, певица влетела в убогую цирюльню, таща за собой двух длинноволосых куколок.

– А ну, сделай им то же, что и мне, – велела она.

Оказывается, новая прическа звезды произвела фурор за кулисами. Настя схватила ножницы и в порыве вдохновения наваяла такое! Она еще и изменила «масть» визжащих от ужаса девок самым невероятным образом. Чердынцева плохо усвоила курс лекций по декоративному окрашиванию волос, и они получились все разного цвета. Но шоу-дивы падки на экстремальное и вызывающее.

Слух о том, что на богом забытой подмосковной станции работает мастер, способный превратить самую обычную голову в нечто притягивающее к себе все взоры, разнесся по

тусовке со скоростью света. Судьба Настёны была решена.

Сейчас у Чердынцевой огромный салон в самом центре Москвы. Со своих клиентов она дерет такие суммы, что уму непостижимо. Постричься у Чердынцевой – это клеймо или медаль. Если вы ходите к ней в салон, сразу понятно, что обладаете немереными деньгами. К слову сказать, ни стричь, ни красить нормально она так и не научилась, да от нее этого никто и не требует. Настёна разрабатывает концепцию, а в жизнь ее воплощает целый штат мастеров. Фантазия же у Чердынцевой бьет ключом. Последняя ее придумка – прическа безголосой звезды из очередной девичьей группы. Когда я увидела сплетенную из волос клетку с живым хомяком внутри, то сразу поняла, чья это идея. А еще Настёна занялась украшениями. Серьги в виде табличек с надписью «Пошли на...» – одна из ее разработок.

Настя давно уехала со старой квартиры – она купила себе элитные хоромы, а по Москве она ездит на розовом «Мерседесе». Одна беда, мужа у нее пока нет, и как Настя ни старается заполучить супруга, ничего у нее не получается. Мы по-прежнему дружим, только встречаемся намного реже, чем раньше. Когда жили в одном дворе, пересекались каждый день, а теперь и в полгода раз не получается.

Настёна распахнула дверь, и я попятилась.

– Ой.

– Не дрейфь, – захихикала Чердынцева и дернула себя за розово-серебряные кудряшки, – это парик. Я не такая дура,

чтобы с собой подобное сотворить! Чай будешь?

Мы слопали коробочку жирных, но очень вкусных пирожных, и я поинтересовалась:

– Что случилось?

Настя усмехнулась:

– Вообще говоря, ничего особенного, но мне нужна твоя помощь.

– Если смогу...

– Сможешь, – захихикала она, – требуется сущая ерунда, право слово! Съездишь на моем «Мерседесе» по указанному адресу, выпьешь с одним кадром кофе, и все.

– Я?

– Ты.

– На твоём «Мерседесе»?

– Да.

– Но зачем?

Настя поморщилась:

– Ну, понимаешь, я познакомилась в Интернете с мужиком, такой классный! Он мне фотку прислал, никогда не был женат, к тому же сирота. Прикинь, какой вариант!

– Ну-у, – осторожно протянула я, – такое лишь в кино встречается.

– Вот, – ухмыльнулась Настя, – мы договорились сегодня встретиться у него дома, так сказать, первое свидание.

– Замечательно, а при чем тут я?

– При том, – рявкнула Настя, – при том, что я пойти не

смогу!

– Отмени свидание.

– Невозможно.

– Почему?

– Телефона его не знаю.

– Как же ты с ним общаешься? – изумилась я.

– Говорила же, через Интернет, – надулась Настя, – только что рассказала, неужели трудно выслушать меня внимательно?

– Так сообщи ему по Интернету, что встреча откладывается.

– Не могу, он где-то в городе шляется. Вот что, Вилка, не спорь! Поедешь к парню под видом меня, выпьешь с ним кофейку, и адъё, – заявила Настёна, – я не могу упускать такой шикарный вариант. А завтра-послезавтра я сама с ним встречусь, и все будет о'кей.

– Но мы с тобой не похожи, – пыталась я сопротивляться.

– Ерунда, он меня никогда не видел.

– Ладно, – сдалась я, – допустим, сегодня это сойдет с рук, но потом, когда сама явишься на свидание...

– Не твоя печаль! – взвилась Настёна. – Ну ты и зануда, помочь подруге молча не можешь!

ГЛАВА 2

Следующий час Настя потратила на то, чтобы сделать из меня дубль себя. Глядя в зеркало, я констатировала, что она преуспела в выполнении поставленной задачи. На голове у меня сидел синий парик с серебряными перьями, грудь обтягивала черненькая маечка-стрейч с надписью «Дикая орхидея», бедра – ярко-розовые джинсики, щедро расшитые стразами. Довершали картину узконосые красные замшевые туфли на километровом каблуке и голубая сумка.

– Послушай, – я робко попыталась оказать сопротивление, когда Настёна сунула мне в руки сумку, – она никак не подходит.

– Почему? – удивилась Настя.

– Она голубая.

– И что?

– А туфли красные. Знаешь, обувь должна совпадать по цвету с сумкой.

– Забудь свои деревенские привычки, – рявкнула Чердынцева и вытащила из шкафа коротенькую куртку, на первый взгляд сделанную из фольги, – так, теперь легкий макияж, и дело сделано!

Когда перевоплощение было закончено, я снова глянула в зеркало и шарахнулась в сторону. Да уж, Чердынцева постаралась на славу. От меня, Виолы Таракановой, не осталось

ничего. Из зеркала на меня таращилась особа, похожая на кого угодно, только не на скромного автора детективных романов.

– Класс, – заявила подруга, – теперь бери ключи от «мерса», и вперед.

– У меня своя машина есть!

Настя сложила пополам от хохота.

– Ой, не могу! Автомобиль! Раздолбанная «шестерка»! Да я парню сто раз рассказывала про свой розовый «мерин», а теперь заявлюсь на первую свиданку, сидя за рулем убогой тачки! Нет уж, бери «мерс».

– Но я плохо вожу машину.

– Им управлять одно удовольствие, уметь ничего не надо, коробка – автомат, села, поставила ручку и покатила, всего две педали.

– Но...

– Господи, как ты мне надоела, – заорала Настя, – хуже горькой редьки! Всех дел, что съездить к парню выпить кофе! Целый день кривляешься.

Подталкивая меня в спину кулаком, она сунула в мою сумку права, документы и ключи и напутствовала:

– Доверенности нет, ну и хрен с ней, если ГАИ остановит, представишься Чердынцевой, усекла?

Понимая, что меня, словно щепку, несет в водоворот бурный поток, я молча вошла в лифт и выдвинула последний аргумент:

– А если я помню «Мерседес»? Я совершенно не умею парковаться!

– И фиг с ним, – взвизгнула Чердынцева, – новый куплю, эка печаль, ты, главное, на парня хорошее впечатление произведи, давай, дуй!

– Эй, ты не сказала, как его зовут! – вспомнила я.

– Великий Дракон, – без тени улыбки сообщила Настя.

– Как? – оторопела я. – Почему дракон?

– Хрен его знает, – ответила Настя, – под таким ником по сети ходит. Да не бойсь, он тебе сам свое имя скажет.

Двери лифта закрылись, кабина ухнула вниз. Я в тревоге прижалась к стенке. В такую ситуацию я попала впервые: еду в чужой одежде, в чужой машине, с чужими документами на свидание к парню, имя которого мне неизвестно. Настя авантюристка по складу характера, большая любительница нестандартных ситуаций, предложи ей кто-нибудь подобную роль – она бы запрыгала от восторга. Но я-то с какой радости вляпалась в это приключение?

«Мерседес» показался мне огромным. Минут десять я просидела в шикарной машине, пытаюсь разобраться, зачем тут все эти рычажки и кнопки, потом, перекрестившись, повернула ключ зажигания и услышала ровное, сытое урчание мотора.

Дрожащими руками я вцепилась в руль и поехала вниз по переулку. «Мерседес» покорно повиновался не слишком умелому водителю, и минут через пять ужас отступил, оста-

вив вместо себя ликование: однако я вполне способна управлять этим чудом автомобильной техники.

Спустя некоторое время я расслабилась и даже стала оглядываться по сторонам, чтобы убедиться в том, какое сногшибательное впечатление произвожу на окружающих: молодая, красивая, шикарно одетая, восседающая за рулем супердорогой тачки. Да уж, не просто красавица, а небесное видение, мечта, девушка-звезда...

Внезапно мне стало жарко, и я пожалела, что забыла спросить, есть ли в «мерсе» кондиционер. Вернее, он, конечно, имеется, но вот как его включить?

Я осторожно потыкала в кнопки на панели управления и подергала всякие рычажки возле руля. Сначала заработали дворники на переднем стекле, потом пришла в движение щетка на заднем, затем, по-видимому, включились габаритные огни.

В конце концов я плюнула на комфорт и доехала до места, просто опустив боковое стекло. На дворе конец апреля, можно обойтись и без кондиционера, кстати, от этого аппарата у людей бывает болезнь легионеров.

Страшно довольная собой, я добралась до нужного дома, пощелкала брелоком сигнализации, вошла в довольно грязный подъезд и стала подниматься по заплыванным ступенькам вверх. Все вокруг сильно напоминало мой родной подъезд, тот самый, где мы когда-то жили с Томочкой. Если бы Настя сама явилась на свидание, она была бы крайне недо-

вольна. Чердынцева терпеть не может, когда хоть что-нибудь напоминает ей о годах, проведенных в нищете, рядом с алкоголиками. Она изо всех сил пытается забыть о прошлом, покупая эксклюзивные драгоценности, раритетные шубы и дорогие машины. На мой взгляд, такое поведение свидетельствует о наличии у Настёны комплекса неполноценности, но попробуйте сказать ей об этом в лицо, мигом превратитесь в злейшего врага.

Однако Великий Дракон мог бы позвать девушку в ресторан или кафе. На худой конец, пригласить в кино. Какого черта он решил устроить первое свидание дома? А Настёна тоже хороша! Ей следовало категорично сказать: «Извини, дорогой, давай пообщаемся в людном месте, если понравимся друг другу, тогда посмотрим».

Тяжело дыша, я добралась до пятого этажа и ткнула пальцем в жалобно звякнувший звонок. Надеюсь, Великий Дракон не сексуальный маньяк, отлавливающий своих жертв на бескрайних просторах Интернета.

Дверь тихонько скрипнула и открылась. Я подняла глаза и обомлела. На пороге стояла ожившая девичья мечта, принц из сказки, парень из глянцевого журнала, Том Круз, Марлон Брандо, Ален Делон, Олег Меньшиков... Просто нет слов, чтобы описать вам красавца.

Секунду он молча разглядывал меня небесно-голубыми глазами, потом элегантно движением убрал упавшую на лоб прядь белокурых выющихся волос и спросил хватаящим

за душу голосом:

– Ты Багира?

Вначале я не поняла, о чем речь, но потом сообразила, что Настёна охотится в Интернете тоже не под своим настоящим именем, и кивнула.

– Входи, – улыбнулся Великий Дракон и стал еще более прекрасным.

Я вошла в крохотную прихожую, обставленную дешевой мебелью, купленной в одном, очень популярном у москвичей в последние годы, магазине.

– Ты на машине? – лучился хозяин.

– Да.

– И где поставила автомобиль?

– Во дворе, у мусорного бака.

Великий Дракон препроводил меня в гостиную, заботливо усадил в кресло, потом подошел к окну и глянул вниз.

– Розовый «мерс» твой?

– Ага, – пискнула я, чувствуя себя более чем неудобно.

Только сейчас я поняла двусмысленность своего положения. Я нахожусь наедине с незнакомым, правда, очень красивым парнем, в его квартире. Между прочим, я замужняя женщина. Конечно, мой супруг иногда бывает излишне зануден, и у него нет атлетически накачанного торса вкупе с шикарно вьющимися волосами, но я вовсе не собираюсь ему изменять даже с волшебным принцем. Может, вам это покажется глупым, но Куприн устраивает меня целиком и полно-

стью, нас связывает крепкая дружба. Променять ее на белозубую улыбку в мои планы не входило. Хотя, справедливости ради, следует признать, что зубы у Великого Дракона совершенно голливудские. Интересно, они достались ему от природы или парень провел полжизни в кресле у стоматолога?

– Хорошая тачка, – вздохнул Великий Дракон, – покатаешь?

– Как-нибудь потом.

– Кофе? Чай? – засуетился хозяин.

– Делай что легче.

– Выбирай.

– Тогда чай.

– Сию секунду, – сказал он и ушел.

Я осталась одна и принялась разглядывать комнату. Все тут говорило о больших претензиях и маленьких финансовых возможностях.

Вместо дивана тут стояла простая софа, покрытая шелковым покрывалом и заваленная валиками. На подушках, разбросанных по полу, предлагалось сидеть, из мебели в комнате были только низенький журнальный столик с поцарапанной столешницей и кресло, в котором сидела я. Стены были выкрашены в белый цвет, и на них висели длинные тряпки с иероглифами. В углу торчала уродская железная ваза, над которой клубились какие-то отвратительные колечки, а вместо ковра были настелены жесткие циновки. Насколько я понимаю, Великий Дракон попытался оформить свое жилище

в японском духе и почти преуспел в этом.

Послышалось легкое звяканье, в комнату вернулся Великий Дракон, в руках он нес изящный поднос, точь-в-точь такими торгуют в супермаркете около моего дома. Ловко скрестив ноги, хозяин плюхнулся на подушку. Я слегка позавидовала парню. У него отличное чувство равновесия, мне бы ни за что не проделать такой трюк, я бы мигом упала на бок и уронила симпатичные желтые пиалушки, тоже происхождением из супермаркета. У нас с Томочкой на кухне есть такие же, только зеленые.

– Ты не хочешь помыть руки? – заботливо поинтересовался Великий Дракон.

Я кивнула, взяла голубую сумочку и вышла в коридор. Заодно и макияж поправлю. Санузел, естественно, был совмещенным, стены оклеены клеенкой. На небольшой стеклянной полочке стояли одеколоны, гели. Скажите, пожалуйста, у этого парня даже крем для глаз есть, причем жутко дорогой, от Кристиана Диора. И вообще, вся парфюмерия элитного класса, мы с Томочкой не можем себе позволить такую. Даже мыло тут было особенное, ярко-желтое, в виде лимона.

Я лениво включила воду. Ладно, выпью чай и уеду. Пусть Чердынцева сама потом разбирается с красавчиком.

Из прихожей послышалось легкое треньканье звонка, потом стук и громкий вскрик:

– Ну ты чего!

– Молчи, падла, – донесся до меня густой бас, – сейчас я

говорю, а ты слушаешь.

– Да кто вы такие! – взвизгнул Великий Дракон.

Я осторожно приоткрыла дверь, выглянула в коридор и похолодела. В тесном помещении стояло несколько парней самого жуткого вида: короткие кожаные куртки, спортивные брюки, почти бритые головы и мерно перемалывающие жвачку челюсти. От таких ничего хорошего не жди! Красавец хозяин смотрелся в компании незваных гостей словно нежная маргаритка среди кряжистых дубов.

– Ща узнаешь, кто мы такие, – оскалился один из братков.

Не успела я сообразить, что предпринять, как он сделал короткое движение, и Великий Дракон, согнувшись пополам, заорал:

– Только не по лицу!

– Боишься товарный вид потерять, красавчик, – заржал бандит, – у-у ты, хорошенький наш! Ладно, отдавай нычку.

– Вы о чем? – дрожащим голосом произнес Великий Дракон. – Я не понимаю.

– Да ну? – прищурился главарь. – Совсем?

– Абсолютно, – зачастил хозяин, трясая головой. – Если вам нужны деньги, то заберите что есть, правда, у меня всего триста баксов, но, может, вам пригодятся. Возьмите, бога ради.

Бандиты переглянулись, главарь хмыкнул:

– Давай свои три сотни.

– Здесь, – суетился Великий Дракон, – я их в ванной пря-

чу, под грязным бельем, секундочку.

Я не успела и охнуть, как он со всего размаха распахнул дверь в санузел.

– О! – радостно воскликнул один из парней. – Бикса!

Я попятилась, схватила свою сумочку, наткнулась на рукомойник и пробормотала:

– Здравсти!

– Ты кто? – рявкнул главарь.

– Э... Багира.

– Шлюха, что ли?

Сначала я хотела было возмутиться и заявить: «С ума сошел! Не можешь честную женщину от проститутки отличить». Но потом поняла, что мне же будет лучше, если бандиты подумают, что я здесь случайно. Поэтому я нагло улыбнулась, уперла одну руку в бок и, противно растягивая гласные, спросила:

– А че ты против нас имеешь? Я девушка честная, плати лавэ и пользуйся.

– Ну и чего с ней делать, Барон? – Главарь повернулся к молча стоящему у входа самому маленькому парню.

– Гони на ... – коротко ответил тот.

– А ну пшла вон! – рявкнул бандит.

На ватных от ужаса ногах, но с самой наглой улыбкой, я стала выдвигаться из ванной.

Великий Дракон тем временем, расшвыряв грязное белье, вынул из бачка конверт и воскликнул:

– Вот, берите и уходите!

На какой-то момент он вдруг прижался ко мне, и я услышала ровный стук его сердца.

Пару секунд мы простояли почти вплотную, потом маленький грабитель высоким тенором сказал:

– Слышь, ты, цветок помойки, п...й, пока жива.

Я протиснулась к вешалке, вышла на лестницу и ринулась вниз. Последнее, что я слышала, был густой бас того, кого я приняла за главаря:

– Ты, мальчик-одуванчик, что, и впрямь решил, будто мы за твоими тремя сотнями пришли?

Дверь хлопнула, я пронеслась по лестнице, выскочила во двор, открыла «Мерседес» и невольно глянула вверх.

Маленький грабитель, свесившись из открытого окна, следил за мной острым взглядом. Поежившись, я быстро вырулила со двора и спросила у тетки, торговавшей на улице мороженым:

– Где тут ближайшее отделение милиции?

– А на Куприянова, – махнула та рукой куда-то вдаль.

В течение следующего часа я, добравшись до стойла стражей порядка, пыталась объяснить, что им следует срочно выехать по указанному мною адресу. Наконец двое ментов, по виду лет пятнадцати, неохотно влезли в «Мерседес».

Искренне надеясь, что Великий Дракон еще жив, я привезла бравых защитников во двор, заставила их подняться наверх и позвонить в квартиру. Но никто не спешил нам от-

крывать.

– Его убили, – закричала я, – ломайте дверь!

– Может, он просто спит, – равнодушно предположил один из ментов.

– Нет, там бандиты, немедленно берите квартиру штурмом!

Сержанты переглянулись.

– Правов таких не имеем, – со вздохом сообщил один.

Понимая, что промедление смерти подобно, я разбежалась и со всей силы пнула филенку. Хлипкая фанера треснула, дверь открылась.

– Эй, хозяин, – крикнул один из ментов, – выгляни, коли дома!

– Говорила же, они его убили, – прошипела я, вбегая в хрущобу. – Великий Дракон, не бойся, это Багира, с милицией!

– Офигеть можно, – покачал головой сержант. – Багира!

Но мне было не до него. Ожидая увидеть самое ужасное, я пронеслась по крохотной квартирке. В ванной царил идеальный порядок, грязное белье было аккуратно упаковано в бачок. Комната сияла чистотой, поднос с чашками исчез. Пилушки я обнаружила на кухне, они были чисто вымыты и лежали в проволочной сушке. Меньше всего помещение походило на место, где только что хозяйничали разбойники.

– Ну и че? – спросил один из ментов. – Кто теперь с хозяином лаяться будет, когда он сломанную дверь увидит?

ГЛАВА 3

Чувствуя себя совершенно разбитой, я приехала к Настёне и заявила:

– Твой Великий Дракон красавец хоть куда, но к нему проявляют интерес криминальные круги.

– А ну, выкладывай, – оживилась она, заваривая кофе.

Я опрокинула в себя подряд три чашки и все ей рассказала.

– Надо же, какая ерунда, – расстроилась Настёна, – такой приличный вариант: без родителей, не женат, богат...

– Ну особого материального благополучия там не заметно, – покачала я головой, – похоже, он тебя обманул, небось сам за обеспеченной женщиной гонялся. Ты бы поосторожней с Интернетом. Там можно нарваться. Ну зачем ты ему про свои деньги рассказывала, про «Мерседес»?

– Да так, к слову пришлось, – отмахнулась Настя.

– Надо быть осмотрительной, – покачала я головой, – зачем тебе искать жениха в «паутине»? Неужели вокруг мужиков мало?

– Господи, Вилка, – всплеснула руками Настёна, – да протри глаза! Ваще никого нет, перевелись парни. А возле меня один шоу-бизнес, где ты там натурала встретишь? Может, и есть какой-нибудь любитель женщин, да только к нему очередь стоит! Где мне мужа искать? Среди коллег? Не смейся,

это уроды, а клиенты еще хуже.

– Ну, – замялась я, – ты по сторонам посмотри, столько хороших людей вокруг.

Настёна скривилась:

– Предлагаешь знакомиться на улицах? Подходить к мужикам и говорить: «Хай! Ты не прочь сбегать со мной в кино?»

– Ну... нет, конечно, не так.

– А как? – обозлилась Настя. – Отправиться на вечер «Кому за тридцать»? Купить газету брачных объявлений? Ходить в церковь по воскресеньям? Предложи-ка что-нибудь стоящее!

Я в растерянности налила себе четвертую чашку кофе. Действительно, где же Настёне найти мужчину? Вот уж не предполагала, что это такая проблема!

Домой я попала около девяти вечера, заранее готовая к тому, что Олег будет с мрачным видом сидеть у телевизора. Но Куприна на месте не оказалось. Я слегка удивилась, не найдя его в кресле. Я спросила у Томочки:

– Где Куприн?

Она кашлянула и забубнила:

– Ну он... того... этого...

– Говори нормально.

Она покраснела, ей всегда трудно сообщать неприятную новость. Тома лучше пробежит босиком марафон по раскаленной Сахаре, нежели скажет: «Знаешь, начальник решил

тебя уволить». Согласитесь, она редкий человек. Как правило, люди с большой радостью говорят вам о неприятностях, причем далеко не все изображают при этом сочувствие.

– Э... – мучилась Томочка, – в общем, он уехал!

– Экая новость, – вздохнула я, швыряя купленный по дороге журнал в пустое кресло, – у нас еще не было ни одного выходного, который бы Куприн провел дома. Все свободные дни заканчиваются одинаково: звонит телефон, и он отбывает на службу.

– Он отправился на рыбалку, – неожиданно сказала Томочка.

У меня отвисла челюсть.

– Куда? С кем? Зачем?

Она покраснела.

– Понимаешь, когда ты уехала, он распереживался, чуть не заплакал.

– Кто, Олег?

Тамара кивнула. Я усмехнулась.

– По-моему, ты неправильно оцениваешь ситуацию; может, Куприн и расстроился, но отнюдь не из-за моего отсутствия, а слезы на его глаза навернулись от того, что он понял – пива нет, надо идти в магазин.

Она покачала головой:

– Ну зачем ты, Вилка, вечно прикидываешься колючей, почему боишься показаться ласковой? Олег очень любит тебя, он огорчился, а потом ему позвонил Костик Горелов и

предложил поехать с ним рыбу удить на Оку, вот Куприн и собрался.

– Рыбу? В апреле?

– А что, нельзя?

Я растерянно пожала плечами:

– Не знаю. Когда рыба просыпается от зимней спячки?

Или она живет меньше года?

– Понятия не имею, – пожала плечами Тамара, – он схватил сумку и был таков, приедет шестого мая.

Я разинула рот.

– Когда? Сегодня же только двадцать девятое апреля!

– Олегу дали отпуск на майские праздники, – объяснила она, – он отгулы накопил, просто сказать тебе не успел!

Я села к столу и принялась крошить вытащенное из ва-зочки печенье. Вот оно как! Сто замечаний муж мне сделать успел, а про отпуск рассказать забыл! Если бы я знала об отгулах, мы могли бы вместе поехать в дом отдыха. Внезапно меня захлестнула обида. Олег просто не захотел провести со мной свободное время, променял жену на удочку. Ну что ж, навязываться не стану, у меня полно дел, надо дописать книгу. Ее скоро сдавать в издательство, мне все недосуг сесть за рукопись!

Вечером Кристина вошла в мою комнату и заняла:

– Вилка, дай сто рублей.

Я оторвалась от работы и уставилась на нее. Терпеть не могу, когда мне мешают. Вот сейчас я очень ловко загнала

главную героиню на чердак и только хотела... Господи, что же я собиралась с ней делать? И так происходит всегда, если ко мне лезут с глупостями.

– Дай стольник, – нудила Кристина.

Я постаралась скрыть раздражение.

– Тебе зачем?

– Колготки порвались.

– У меня в шкафу они есть, возьми себе.

Кристя подскочила к гардеробу, порылась на полках и воскликнула:

– Ну и отстой! Теперь такие не носят.

– Чем они тебе не подходят? – пробубнила я, пытаюсь увести героиню с чердака. – Нормальные колготки, телесного цвета.

– Вот-вот, сейчас в моде все яркое, дольки синие в белую клетку или красные в зеленую полоску!

Плюнув на тупую героиню, забившуюся в самый дальний угол чердака, я отложила ручку:

– Надеюсь, ты не предполагала найти нечто подобное в моем шкафу?

– А-а-а, – застонала Кристя, – завтра все девочки появятся в дольчиках, одна я...

– Хорошо, хорошо, – быстро согласилась я, – в прихожей лежит моя сумка, возьми из кошелька, сколько тебе надо.

Обрадованная Кристина мигом унеслась. Я попыталась растормошить героиню, но не успела вытолкать эту идиотку

на лестницу, как Кристия снова влетела в комнату.

– Там ничего нет!

– Посмотри внимательно, в портмоне есть тысяча мелкими купюрами.

– Сумки нет.

– Глупости! – рассердилась я. – Висит на вешалке.

– Не-а.

– Кристия, посмотри внимательнее!

– Да нет ничего!

Я встала.

– Хорошо, поищу сама, но, если найду сумку, так и знай, денег не дам.

Кристина обиженно засопела, я же, сердито ворча, отправилась в коридор. Первое, на что сейчас наткнулся, будет моя сумка. Кристина очень рассеянна. Она часто, стоя перед холодильником, кричит:

– У нас есть нечего, где колбаса?!

Я подхожу к рефрижератору и сразу замечаю непочатый батон докторской.

И так во всем. Она не видит мыло в ванной, чистую чашку в мойке, подушку на кровати, а сейчас не нашла мою сумку.

– Ну и что? – спросила Кристия. – Где она?

Я внимательно осмотрела вешалку. Действительно, сумки нет.

– Ага! – воскликнула девочка. – Говорила же! Твоей нет, есть только вот эта, уродская.

И она указала на ярко-синюю торбочку.

– Это чья? – удивилась я.

– Понятия не имею, – заявила Кристя.

Я уставилась на сумку и тут же сообразила, что к чему.

Эту торбу мне дала Настёна, я поехала с ней к Великому Дракону, потом, вернувшись назад, переоделась у Чердынцевой в свою одежду, сняла идиотский парик с серебряными перьями, смыла косметику и... машинально схватив синюю сумку, ушла. В этот день все шло кувырком.

Тяжело вздыхая, я взяла телефон и набрала номер Чердынцевой, но она не спешила снять трубку. Ну да, стрелки часов подоברались к цифре одиннадцать, и Настя сейчас тусуется в каком-нибудь клубе. Ее хлебом не корми, только дай пойти на сборище, где все толпятся вокруг стола с малосъедобными закусками и говорят друг о друге за спиной гадости. Лично я прихожу в ужас, когда раздается звонок из издательства и Федор, начальник отдела рекламы, сообщает:

– Ариночка, свет очей моих, изволь завтра ровно в семь быть в харчевне «Даббл», там состоится мероприятие по сбору лыж для детей Зимбабве.

С Федором спорить нельзя, поэтому приходится плестись по указанному адресу и, забившись в угол, терпеливо ждать, когда же наконец можно будет удрать. Настя же за один вечер ухитряется побывать в трех местах. Если она понимает, что сегодняшний день у нее пустой, то мигом напрашивается к кому-нибудь в гости, она просто не способна провести вечер,

сидя у телика.

Иногда мне кажется, что она зря так упорно хочет выйти замуж. Ни один супруг не согласится иметь дело с дамой, которая заявляется домой под утро, валится в кровать, а потом спит до полудня.

Жажда развлечений у Настюхи граничит с патологией, последнее время, правда, она что-то заскучала и стала ныть:

– Фу, ничего нового не могут придумать! Сначала жрут суши, а потом начинают дурацкие забавы. К кому ни пойдешь, везде одно и то же.

Повздыхав, я легла спать, решив, что утро вечера мудренее.

Проснувшись, я выпила кофе и вцепилась в рукопись. В квартире стояла полная тишина. Кристя ушла в школу, Семен отправился на работу, куда подевались Томочка и Никитка, я не знала, но предположила, что они пошли на прогулку. Никто не мешал мне писать, и я лихо разрулила ситуацию с чердаком, просто выпихнула дуру-героиню через слуховое окошко во двор. Иногда мне приходится сталкиваться с трусливыми, тупыми тетками, десять ручек изломаешь, пока заставишь такое существо действовать решительно. Вот и сейчас я имею дело с истеричной особой, при малейшем намеке на опасность падающей в обморок. Ей-богу, она меня бесит! Оказалась на свободе, так беги поскорей от того места, где из тебя хотели сделать начинку для пельменей. Но нет! Эта цаца подвернула ногу и теперь громко стонет, со-

вершенно не понимая, что...

Резкий звонок телефона оторвал меня от рукописи, я схватила трубку и тут же пожалела о сем неразумном действии. Сейчас на том конце провода окажется кто-нибудь с ерундой, отнимет массу времени.

– Алло! – сердито рявкнула я.

Ответа не последовало, из трубки доносились потрескивание и шорох.

– Говорите, – совсем рассердилась я.

Ну что за идиотская манера у людей молчать, даже если ты попал не туда, извинись спокойно, и до свидания. Шорох усилился, слышался то ли кашель, то ли хрип.

– Кто там? – настаивала я. – Ну! Отвечайте.

– Вилка, – донесся до меня тихий, словно шорох осенней листвы, голос, – приезжай, помоги.

Я попыталась понять, кто звонит. Ясно, что женщина, только говорит она очень тихо.

– Вилка, я умираю, – чуть громче прозвучал голос, и я поняла, что это Настя.

По спине побежали мурашки, нет, только не это! В прошлом году, аккуратно на майские праздники Чердынцева впала в депрессию. Весь бомонд разлетелся по заграницам, а те, кто остался, отправились в загородные поместья. Отчего-то Настёна не получила от своих знакомых ни одного приглашения. Тусовка словно забыла про модного стилиста. Три дня Чердынцева просидела дома, потом впала в истерику, пере-

колотила в своей квартире все стеклянные предметы, раскурочила картины, а затем слопала две упаковки снотворного.

Проглотив последнюю горсть таблеток, Настя внезапно очухалась и с криком: «Спаси, умираю», – позвонила мне.

Мы с Томуськой моментально прилетели к ней, вызвали «Скорую помощь», и дело обошлось промыванием желудка и капельницами.

– Немедленно ляг в постель, – заорала я, застегивая джинсы, – лечу, бегу!..

Из трубки понеслись вздохи и звуки, похожие на плач, но я уже неслась к двери. Черт возьми, у Насти выработалась нездоровая традиция каждые Первомайские праздники пытаться лишить себя жизни.

Всякий автомобилист скажет вам, что передвижение по столице сильно затруднено из-за пробок, перед праздничными же днями движение просто парализуется. Для меня является неразрешимой загадкой, почему в обычные дни поток транспорта худо-бедно ползет, а накануне красной даты календаря замирает, и все.

Сообразив, что на «Жигулях» далеко не уеду, я понеслась к метро, ей-богу, при помощи подземки доберусь быстрее. Правда, ехать придется в некомфортных условиях, в вагоне, битком набитом потными людьми и грязными бомжами, без моего любимого «Русского радио», но зато и без пробок.

Весь путь от нашего дома до квартиры Чердынцевой занял полчаса. Я подлетела к дорогой двери и стала жать на

звонок. Но хозяйка не спешила открывать. Неужели ей так плохо? Вдруг на этот раз Чердынцева выпила что-то более сильнодействующее, чем димедрол, и сейчас лежит без сознания?

Трясущимися руками я стала рыться в голубой сумочке, которую прихватила, чтобы обменять ее на свою. Надо попытаться позвонить Насте по телефону.

Через пару минут стало ясно: сотовый забыт мною дома, остался на столе возле недописанной рукописи. Чертыхнувшись, я заколотила в дверь ногами, но не добилась никакого эффекта. Покидавшись безрезультатно на железную дверь, я вдруг сообразила, как поступить, и с радостным возгласом бросилась к окну, расположенному на лестнице.

Настя страшная растяпа. Количество потерянных ею шарфиков, перчаток и зонтиков исчисляется десятками. Сколько раз она восстанавливала паспорт, и не припомнить, еще у нее бесследно испаряются мобильники, органайзеры, кошельки и ключи. Последнее наиболее трагично, потому что Насте приходится вызывать МЧС, сотрудники которой выламывают дорогую дверь. Четыре раза безголовая Чердынцева ставила себе новую, а потом придумала выход из, казалось бы, безвыходного положения.

На лестнице, под окном, есть батарея, вот за ней Настёна и пристроила на крючке запасную связку ключей.

– Не боишься, что тебя ограбят? – спросила я один раз, наблюдая, как она вытаскивает ключи.

– А, – легкомысленно отмахнулась Чердынцева, – кому в голову придет, что тут запасная связка болтается. И потом, за батарею только маленькая женская ручка пролезет. Парням без шансов в нее даже палец протиснуть.

Будучи женой сотрудника МВД, я очень хорошо знаю, что «маленькие дамские ручки» столь же шаловливы, как и мужские, а женщины подчас совершают более тяжкие преступления, чем представители сильного пола. Но спорить с Настей я не стала, бесполезное это дело, все равно она поступит по-своему.

Присев у батареи, я принялась ощупывать стену и через мгновение достала то, что искала.

Трясущимися руками я вставила диковинно изогнутую железку в плоскую замочную скважину. Только бы Чердынцева не заперлась на огромную латунную задвижку толщиной с мою ногу. Но, слава богу, Настя забыла про нее. Я влетела в прихожую и заорала:

– Эй, ты где?

Ответом мне была полная тишина. Я швырнула голубую сумочку на столик у вешалки, пробежала по коридору до спальни, распахнула белую дверь, обильно украшенную золотым орнаментом, и попятилась. Мама моя! Вот это пейзаж!

Сначала мне показалось, будто комната засыпана снегом, но потом я сообразила, что белые комочки – это перья, выпущенные на свободу из подушек и одеял. Чья-то безжалостная

рука изрезала наперники и вытряхнула их содержимое. Кровать была перевернута, постельное белье, шелковое, желтое с черным, на мой взгляд, совершенно непригодное для хорошего сна, разорванное на полосы, валялось в углу. Сверху охапкой лежали занавески, сорванные с карниза. Из распоротого матраса торчали пружины, ящички изящного бюро выдвинуты, их содержимое, всякая мелочь, валяется на ковре вперемешку с перьями. Картины, украшавшие стены, изрезаны, и повсюду валяется одежда Насти. Неведомый варвар уничтожил все: переколотил горшки с экзотическими цветами, перебил подвески из богемского стекла, свисавшие с люстры, и зачем-то превратил в пыль коллекцию керамических кошечек, любовно собранную Чердынцевой.

Минут пять я в ошеломлении смотрела вокруг, потом метнулась в гостиную. Там было не лучше, только на ковре вместо перьев сверкала хрустальная пыль. У Настасьи полно рюмок, фужеров, вазочек, она большая любительница хрусталя.

На ватных ногах я обошла всю квартиру. Еще вчера она выглядела уютной, сегодня же напоминала павильон для съемок фильма «Взрыв ракеты «земля – земля» в замкнутом пространстве». Разломано, разбито, растоптано было практически все. Оставалось непонятно: взяли ли эти люди с собой что-то ценное или нет и куда подевалась Настёна? Откуда она мне звонила? И где находится сейчас?

ГЛАВА 4

Внезапно мне стало душно. Чердынцева небось пытается соединиться со мной при помощи мобильного, а я стою тут, в разгроме.

Не успела я подумать о телефоне, как раздался резкий звонок. Глаза отыскивали среди разрухи пищущую трубку, я схватила ее.

– Слушаю.

– Настенька, – начал вкрадчивый, бесполой голос, – Настюша...

– Я не...

– Не перебивай, солнышко, – прервал меня кто-то, – лучше послушай! Отдай все немедленно, котик! Сама понимаешь, что мы знаем все.

– Но...

– Только не надо врать, – посуровел голос, – мы с тобой по-хорошему, понимаем, ты девушка увлекающаяся, вот и влипла в историю. Счетчик крутится, моя ягодка, тикает...

– Я не...

– Мы не звери, сроку тебе неделя. Надеюсь, за семь дней ты решишь проблему?

– А если нет? – неожиданно для самой себя спросила я.

На том конце провода закашлялись, а потом кто-то сладко пропел:

– Нехороший настрой, не боевой. Ты не так должна себя вести, золотко. Пойми, бежать тебе некуда, из-под земли достанем, помощи просить не у кого, только на себя можешь рассчитывать, вот и постарайся за неделю уладить дело. Только не притворяйся, что не знаешь, куда все подевалось. С твоей стороны было бы наивно полагать, что мы тебя не отыщем.

– А как вы меня нашли? – Я решила продолжить разговор в надежде выяснить хоть какие-нибудь детали.

Голос рассыпался дробным смешком.

– Ну, это как два пальца о... Имея розовый «Мерседес» и катаясь на нем по городу, трудно сохранить инкогнито, душенька. Ладно, хватит ерундой заниматься, у тебя есть семь дней, если не вернешь... Посмотри вокруг, нравится? Чудная картина, как ты мне мила, белая равнина, черная луна...

– Наоборот, – машинально поправила я, – равнина черная, а луна белая.

– И фиг бы с ними, – рявкнул невидимый собеседник, – из-под земли тебя достану, а потом закопаю! Ясно?

Я кивнула.

– Значит, поняла, – пришел в хорошее настроение негодяй, – молчание, блин, знак согласия! Да, кстати, я понимаю, что ты, жадная, как все бабы, можешь захотеть продать это и попытаться сбежать. Голубка, в этом случае лучше бы тебе на свет не родиться.

– Почему? – пролепетала я.

– Ты у Великого Дракона поинтересуйся, – ласково посоветовал он, – съезди к нему, осмотришься и прими правильное решение. Через семь дней, ровно в восемь вечера приезжай с товаром к Мартыну, иначе зови народ на похороны, голубка.

Я не успела спросить, кто такой Мартын, потому что раздались частые короткие гудки.

Еле живая от пережитого, я выпала на лестничную клетку, тщательно заперла квартиру, повесила ключи на прежнее место и поехала домой. Из всего услышанного и увиденного мне стало ясно одно: Настёна вляпалась в чертовски неприятную, опасную историю. Что-то она у кого-то взяла и теперь должна отдать. Никаких таблеток она не принимала, с жизнью кончать не собиралась. Впрочем, если она не отдаст что-то обладателю этого въедливого голоса, то, похоже, на счастливую старость моей глупой подружке рассчитывать нечего.

Что же делать? Прижавшись к грязной двери, я покачивалась в вагоне, пытаюсь сосредоточиться. Повторив раз десять «что делать?», я обозлилась и приняла решение. Настя, наверное, позвонит мне еще раз, и тогда нужно узнать адрес, где она прячется, поехать к ней и выяснить обстоятельства дела. А когда я все узнаю, тогда и стану ломать голову над сакраментальным российским вопросом.

Слегка взбодрившись, я прибыла домой и, вешая свою куртку, зачем-то сунула руку в карман. Пальцы наткнулись на что-то нежное и мягкое. Не понимая, что бы это могло быть, я вытащила на свет голубую торбочку и обозлилась

на себя. Значит, убегая из Настиной квартиры, я находилась в состоянии, которое в боксе называется «гroggi». Схватила свою сумку с вешалки, голубую зачем-то засунула в карман... Совсем с ума сошла. Хотя, если вспомнить последние события, это совсем даже неудивительно.

В квартире было полно людей: Семен с приятелями, Кристина с подругами и Ленинид с бутылками пива. Томочка металась по кухне между плитой и столом, в кастрюле, распространяя тошнотворный аромат, булькали креветки, мужики в преддверии выходных дней решили расслабиться. Я плюхнулась на табуретку, потом встала и открыла окно. Кристинины подружки орали в детской так, что у меня заломило виски.

– Готовы, кажется, – протянул Семен, хватая кастрюлю, – горячая, зараза!

– Варезки надень, – засуетилась Томочка.

– У меня туда рука не влезает, – ответил ей муж, – отойди от раковины.

– Давай, я солью, – настаивала она.

– Сам могу, – заявил супруг, быстро наклонил кастрюлю над мойкой и вывалил креветки мимо дуршлага.

– Ничего, – принялась утешать его Томочка, – сейчас соберу.

Но тут из спальни донесся сердитый бас Никитки. Тамара, мигом забыв обо всем на свете, понеслась на крик.

– Экий ты, Сеня, неловкий, – вздохнул Ленинид, – лучше

сядь, я сложу их в блюдо.

– Сам справлюсь, – сердито буркнул Сеня, – горячие, гады. Ну, погодите!

С этими словами он открыл кран холодной воды.

– Эй, ты чего делаешь? – возмутился Ленинид. – Испортишь продукт!

– Вовсе нет, – сопротивлялся Сеня, – ща чуть похолодней станут, я их сгребу.

– Это пиво должно быть ледяным, а креветки горячими, – подскочил папенька, – уйди, варвар.

– Сам попробуй раскаленные хватать, – обиделся Сеня. – А! Горячо!

– Ерунда, – забубнил Ленинид, – ну-ка, где у них тут щипцы?

С этими словами папенька принялся рыться в кухонном шкафчике.

Я с легким недоумением смотрела на их возню. Мужчины – странные существа, всегда уверенные в собственной правоте. Переубедить их практически невозможно, лучше даже и не начинать. Ну, скажите на милость, какой вкус в мелких, пучеглазых морских обитателях? Да там есть нечего: страшная голова, хвост, а тельце крошечное. Чистишь креветки, чистишь, и в итоге остается микрон мяса. Почему представители сильного пола считают это существо лучшей закуской к пиву? Да потому, что они так решили, и точка.

Кстати, из-за своего консерватизма мужчины часто лиша-

ются вкусных вещей. Женщина охотно приобретет неизвестный товар, просто из элементарного любопытства, представитель сильного пола пройдет мимо к привычным до оскомины пельменям. И что в результате? Мы пробуем всякие вкусности, а они упорно чистят дурацкие креветки и воблу. А ведь вокруг столько замечательной закуски к пиву! Кальмары, осьминоги, каракатицы, стейки из акулы... Ну неужели не интересно, а?

Вот я, например, недавно носясь по городу, проголодалась и решила забежать в супермаркет, чтобы купить себе булочку и сто граммов сыра.

Зайдя в просторный зал, где бродило от силы два покупателя, я застыла в задумчивости. Чем угостить бунтующий желудок? Может, йогуртом? Или схватить пакетик с сухофруктами и орешками? Говорят, очень полезно!

– Не желаете попробовать? – чистым колокольчиком прозвенел нежный голосок.

Худенькая девушка в ярко-желтом фартуке и красной шапочке протягивала мне бумажную тарелочку.

– Это что? – поинтересовалась я, разглядывая предлагаемое.

В последнее время многие магазины стали устраивать рекламные акции, дают посетителям продегустировать товар. Раньше я, гордо отвернувшись, проходила мимо столиков, но потом один раз выпила сок и теперь не упускаю возможности попробовать нечто неизвестное, открыла таким обра-

зом для семьи много интересных вкусовостей.

– Продукция «Золотой петушок», – мило улыбаясь, сообщила девушка.

Я скривилась.

– Нет, спасибо.

– Попробуйте!

– Очень хорошо знакома с курицей! Вон там, в холодильнике, полно всего лежит!

– Да, но это надо готовить!

– А ваше можно сырым есть?

– Нет, конечно, – усмехнулась рекламщица, – но и хлопот никаких, просто бросили в сковородку, и готово. Тут на любой вкус. Хотите нежнейшее филе грудки? Или крылышки с приправами? Лично мне нравится бедрышко, оно самое сочное!

Я машинально съела кусочек, потом второй, третий...

– Понравилось? – обрадовалась девочка.

– Ну, вкусно.

– Возьмите на ужин упаковку.

– Да у меня есть котлеты.

– Сунете в холодильник, пригодится.

Девушка была мила, «Золотой петушок» показался свежим, и я решила не огорчать студентку, зарабатывавшую на рекламе. Наверное, ей платят процент от выручки.

– И стоит недорого, – выдвинула конечный аргумент промоутер, – всего шестьдесят девять рублей килограмм. Вон

немецкий аналог лежит по сто сорок.

– Давайте филе грудки, – решила я, – хоть и не люблю продукты в панировке, но один раз-то можно.

– Потом еще придете, хотите совет?

– Ну?

– Смотрите не перепутайте, мы называемся «Золотой петушок».

– Поняла уже.

– А еще есть «Бодрая курица», ее не берите, там одна химия.

Я улыбнулась, курица – она и есть курица, две ноги, крылья и спинка. Хотя справедливости ради следует заметить, что наши цыплята нравятся мне намного больше, чем холестериновые окорочка, прибывающие из Америки.

Дома я незамедлительно бросила маленькие кусочки на сковородку. Пришлось признать, девушка не обманула, ужин приготовился через десять минут.

Крайне обрадованная тем, что мне не придется припасть к плите на целый час, я пошла в ванную, умылась, натянула уютный халатик, вернулась на кухню и обнаружила там пустую сковородку и весьма довольного Ленинида.

– Вкусно ты, доча, готовить стала, – одобрил папенька, шурясь, словно греющийся на солнце сытый кот.

– Ты съел наш ужин, – налетела я на Ленинида, – никому не оставил.

– Да? – изумился папенька. – Прямо не заметил. Ам, ам, и

готово. А чего там есть-то? Само проскочило!

Я уставилась на крошки панировки, сиротливо маячившие на тарелке. Да, похоже, у «Золотого петушка» есть один изъян: его изделия слишком вкусные и потому станут ментально исчезать.

Теперь вопрос: окажись Ленинид в супермаркете, стал бы он пробовать «рекламные кусочки»? Конечно же, нет, и никогда бы не узнал про «Золотого петушка».

Ей-богу, мужчины из-за своей глупой упертости и нежелания узнать новое многое теряют!..

– Вон черпак, – сказал Сеня и тоже заглянул в шкаф.

– Осторожней, – предостерегла я, – не опирайтесь на полку, она еле висит, там крепление расшаталось.

– Ну бабы, – пропыхтел Сеня, всем своим немалым весом наваливаясь на полку, – им бы только над людьми верховодить! Лучше бы бардак тут разобрали, черт ногу сломит! Банки, пакетики, склянки, где щипцы, а?

– Ты полез туда, где мы храним бакалею, – начала было я, но Ленинид мгновенно перебил меня:

– А, вот, нашел!

Поднявшись на цыпочки, папашка оперся о Сеню и протянул руку в глубь шкафчика, и в ту же секунду тот с оглушительным грохотом рухнул вниз.

Сеня заорал, я завизжала, два незнакомых мужика, спокойно ожидавшие, когда хозяева разберутся с креветками, вскочили на ноги. Из коридора слышался топот, и в кухню

в сопровождении хихикающих подружек влетела Крестя.
– Папа, – заорала она, – ты жив?
– Вроде, – прокряхтел засыпанный с ног до головы мукой и сахаром Сенья.

Примчавшаяся на крик Томочка сунула мне пускающего пузыри Никитку и бросилась к Лениниду.

– Господи, его задавило!

Я прижала к себе хныкавшего младенца, опустила взгляд вниз и увидела папеньку, распростертого на полу. Головы у него видно не было, на ней стоял злополучный шкафчик.

– Что вы рты разинули? – принялся командовать Сенья. – Мишка, Генка, поднимайте полку! Ну дела, ну попили пивка.

Потом он повернулся ко мне:

– А ты чего орешь? Иди во двор, подгони машину к подъезду, повезем Ленинида в больницу.

– Я молчу, кричит Никитка.

– Какая разница! – заорал Сенья. – Ленинида убило насмерть!

Крестины подружки переглянулись.

– Во, приколы, – заявила одна, – при мне никогда никого не убивало!

Крестя с размаху треснула девчонку по макушке:

– Молчи, дура.

– Кто дура, я?

– Ты.

– Я?

– Ты!!!

– Эй, эй, – решила я предотвратить военные действия, – потом поругаетесь!

Но Кристина схватила дуршлаг и треснула им одноклассницу. Та завизжала и уцепила Крестю за волосы. Вторая девочка судорожно зарыдала. Я собралась уже рассердиться, но тут Миша и Гена подняли шкафчик. Под ним обнаружилась голова папеньки, совершенно на первый взгляд целая. Я перевела дух, слава богу, ни ран, ни фонтанов бьющей крови, только иссиня-бледное лицо с закрытыми глазами и плотно сжатыми губами.

Сеня присел возле папашки на корточки.

– Ты как, в порядке?

– Голова кружится, – слабым голосом ответил Ленинид, – и тошнит.

– Это сотрясение мозга, – нахмурилась Томочка, – надо срочно везти его в больницу.

Остаток вечера пошел кувырком. Растащив в разные стороны кусающихся и царапающихся тинейджеров, мы с Сеней осторожно повели Ленинида в машину. Томочка с Мишей и Геней осталась дома наводить порядок.

До травмопункта мы добрались без приключений и к хирургу попали сразу. Молоденький врач, пощипывая жидкую, опущенную для солидности бороденку, безапелляционно поставил диагноз:

– Сотрясение мозга, скажите спасибо, что череп цел.

– И что нам теперь делать? – испугалась я.

– Могу предложить госпитализацию.

– Ну, если надо, – прошептала я.

Честно говоря, вид Ленинида меня пугал. За всю дорогу он не произнес ни слова и сейчас сидел, словно восковая кукла, без всяких эмоций на лице.

– Совсем даже не надо, – неожиданно протянул хирург, – сами подумайте, зачем ему в больнице лежать! Праздники же, никого не будет, да и сотрясение мозга в основном покоем лечится.

– Не пойму никак, – крикнул Семен, – кладем мы его или нет? Вы, доктор, уж примите решение.

– Как врач, – гордо заявил мальчишка, – я обязан предложить вам госпитализацию, но как человек советую забрать пострадавшего домой, целей будет.

Я глянула на Сеню:

– Кого слушать станем? Хирурга или человека?

– Пошли, Ленинид, – велел Сеня.

Папенька покорно двинулся за ним. У меня в душе моментально поселилась тревога. Ленинид большой любитель спорить по любому вопросу. Наверное, ему в самом деле плохо, если он молчит.

Мы вышли во двор и двинулись к ограде. Джип Семена стоял на проспекте. Охранник ни в какую не хотел пропустить нашу машину на территорию больницы, он даже не

соблазнился сторублевкой, которую попытался всучить ему Сеня.

Дойдя до машины, я прислонила Ленинида к дверце и стала наблюдать, как Сеня отключает сигнализацию. Вдруг папенька порозовел, отлепился от «Тойоты» и пошел вперед.

– Стой, – испугалась я, но Ленинид не послушался, он подошел к охраннику и вежливо спросил:

– Твою жену Таней зовут?

– Точно, – оторопел парень, – откуда знаешь?

– Она к матери поехала, с ребенком?

– Ну, – растерянно ответил секьюрити, – мне тут сутки стоять, может, она и подалась к теще со скуки. Да в чем дело-то?

– Ребенок у тебя есть? – не успокаивался Ленинид. – Маленький, кудрявенький, на собачку похожий?

– Ну, – окончательно растерялся охранник, – дочка Катя-ка.

– Мобильный имеешь?

– Вот.

– Звони теще.

– Зачем?

Ленинид снова побледнел.

– Скажи своим, чтобы сегодня на улицу не выходили, беда их ждет!

– Идиот! – в сердцах воскликнул юноша. – Вали отсюда, придурок.

– Позвони, – настаивал Ленинид, – иначе плохо будет.

– Слышь, тетка, – напрягся охранник, – увози своего психа, пока цел.

Я дернула Ленинида за рукав:

– Пошли.

Но папенька стоял, словно вкопанный.

– Иди ты на ...! – рявкнул парень.

– Эх, – протянул папенька, – жаль, тебе сейчас самому трезвонить начнут, будешь локти кусать, что мог жену спасти, да поздно.

Окончательно перепугавшись, я стала подталкивать папеньку к джипу.

– Ты не торопись, – спокойно заявил Ленинид, – нам тут еще долго куковать: не заведется тачка!

– Чем вы там занимаетесь? – заорал Сеня. – Поехали домой.

Мы влезли на заднее сиденье, «Тойота» дернулась и замерла. Ленинид удовлетворенно улыбнулся.

– Говорил же! Ладно, посплю пока, устал.

Не успела я и глазом моргнуть, как папенька откинулся на сиденье и громко захрапел.

– Что за черт, – бубнил Сеня, открывая капот, – только на техобслуживание ездил, колодки менял, ремень, все тип-топ было. Ну ё-моё!

Я привалилась к папеньке. Ай да Ленинид! Ну с чего он взял, что джип сломается? Или решил подшутить над Се-

ней и нахимичил что-нибудь в моторе? Хотя это вряд ли. Ленинд отличный краснодеревщик, из старого шкафа он способен сделать потрясающий гардероб, а разваленное кресло вмиг превратит в эксклюзивное, но в машинах папенька ничего не понимает, да и возможности у него не было поковыряться в потрохах у «Тойоты».

Я стала слушать, как Сеня вызывает службу «Ангел».

– Да не знаю, что с ней, – злился Семен, – бегала, бегала, а потом умерла.

Под его гневные речи на меня накатила усталость, глаза закрылись, в голове не осталось ни одной мысли. Мягкие подушки джипа показались уютнее кровати, и я мирно задремала, забыв про все.

– С ума сошел! – вклинился в мой сон вопль Сени. – Ваше офигел!

Я открыла глаза и на секунду испугалась, не поняв, где нахожусь. Прямо над головой маячил потолок, обтянутый кожей. Но тут мой взгляд наткнулся на рулевое колесо, и я вспомнила: сижу в сломанном джипе Семена, а на улице... Там орал охранник.

– А ну, вылазь, сволочь, вылазь!

– Уйди, парень, – хватал его за руки Сеня, – сейчас милицию позову.

Я опустила стекло и высунулась наружу.

– Что случилось?

– Она еще спрашивает, – плевался слюной секьюрити, –

где этот псих долбаный, который все накаркал?

Раздался хлопок, Ленинид вышел из машины и тихо сказал:

– Я тебя предупредил, ты сам звонить не захотел.

– Ты знал, – теряя лицо, завопил парень, – знал, что они под машину попадут! Знал!!! Накликал!

Внезапно он зарыдал. Мы с Семеном, ничего не понимая, растерянно смотрели друг на друга.

– Успокойся, – прошептал Ленинид, – с ними ничего такого. Малышка просто испугалась, а у жены нога сломана. Скоро все забудет, телевизор купите. Вам водитель, ну тот, что их сбил, денег даст!

Охранник вытер лицо грязным кулаком.

– С чего ты взял?

Ленинид помолчал секунду, потом тихо ответил:

– Не знаю, просто вижу вас у нового большого телевизора.

– Ладно, – оттаял парень, – только тот, кто их сбил, уехал, теща так растерялась, даже номер не записала.

Ленинид поднял руки и схватился за виски.

– М-м-м-м.

– Болит? – насторожилась я. – Ты садись в машину.

– М-м-мне...

– Чего тебе? – засуетилась я. – Воды купить? Сейчас бегаю, ларек рядом.

Ленинид повел глазами, и я отшатнулась. Взор у папеньки был совершенно бешеный. Вдруг он покрылся мелкими

каплями пота и выдал:

– МНЕ сто сорок три.

Я окончательно растерялась.

– Чего тебе сто сорок три принести?

– Номер машины, сбившей твоих, МНЕ сто сорок три, – зачастил Ленинид, повернувшись к остолбеневшему секьюрити, – за рулем девка сидела, она не хозяйка, блондинка... э... э... Лена!!! Да, точно, Лена! Вот она-то вам телик и купит в качестве компенсации. Ты звони в ГАИ.

Охранник опрометью бросился в свою будку. Ленинид снова навалился на джип, ему явно стало хуже.

– Что с ним происходит? – звенящим голосом спросил Сеня. – Чертовщина какая-то.

– Не знаю, – пролепетала я, – папашка чудит, сам знаешь, он большой охотник розыгрыши устраивать. Вот, теперь прикидывается ясновидящим, под Вангу косит!

– Ни под кого я не косю, – прошептал папашка, – сам не знаю, как увидел. Плохо мне, ребятки, поехали домой, тошнит!

– Вот что, Вилка, – распорядился Семен, – беги на проспект, лови тачку, а я тут один «Ангела» дождусь.

– Садись за руль, Сеня, – слабым голосом протянул папашка.

– Так не фурычит же, – развел тот руками.

– Еще раз попробуй, должно завестись, – ответил Ленинид, становясь сине-зеленым.

Сеня хмыкнул, сел в джип, повернул ключ зажигания, и я услышала шум исправно работающего мотора.

– Пошли, доча, – просвистел Ленинид, – спать хочется, спасу нет.

В полном обалдении я влезла в «Тойоту». Сеня, чертыхаясь сквозь зубы, вырулил на шоссе. Повинуясь какому-то непонятному желанию, я обернулась и увидела возле опущенного шлагбаума, преграждающего въезд на территорию больницы, охранника, вытянувшегося в струнку. Вы мне, конечно, не поверите, но из песни слова не выкинешь, парень отдавал нам честь.

ГЛАВА 5

Учитывая, что Наташка, жена Ленинида, отправилась на майские праздники в деревню копать бабке огород, мы привезли папашку к нам и уложили в той комнате, где он ночует, когда по разным причинам боится идти домой. Пока ошарашенный Сеня рассказывал жене и дочери о стихийно открывшихся паранормальных способностях Ленинида, я пошла в свою спальню и села у стола. Взгляд уперся в недописанную рукопись. Пальцы потянулись к ручке, время, конечно, позднее, давным-давно пора ложиться баиньки, но в издательстве терпеть не могут авторов, срывающих срок сдачи книги, поэтому нужно браться за работу, вряд ли кто-нибудь мне помешает, надеюсь, все неприятности сегодня уже кончились!

Не успела последняя мысль покинуть голову, как затрещал мобильный. Я уставилась на дисплей: «Номер неизвестен». Может, не отвечать? Да и кому я могла понадобиться в час ночи? Скорей всего, это ошибка, сейчас человек поймет, что попал не туда, и отключится. Но трубка упорно продолжала пищать. Ощущая непонятную тревогу, я нажала на зеленую кнопку и рявкнула:

– Ну кому не спится?

Ответа не последовало, слышались лишь треск и странное пофыркивание. Разозлившись, я хотела выключить телефон

и заняться рукописью, но тут вдруг в трубке что-то шелкнуло и раздался четкий голос Насти:

– Теперь слышишь?

– Да, – заорала я, вскакивая с кресла, – ты где?

– Не знаю.

– Как? Ты была у себя дома? Видела, какой там разгром?

– Вилка, – зачастила Настя, – послушай. У меня сейчас сядет батарейка, и я лишусь связи, не перебивай, умоляю, выслушай.

– Говори, – велела я.

– Меня похитили.

– Кто?! – вновь закричала я. – Зачем?

– Вилка, дай сказать, – перешла на свистящий шепот Настя, – ничего не знаю. Вчера ночью появились какие-то парни...

Я слушала, крепко стиснув трубку внезапно вспотевшей рукой. Рассказ Настёны напоминал сценарий голливудского фильма, в таких любит сниматься «крепкий орешек» Брюс Уиллис.

Настя рассказала, что к ней в квартиру ворвалась банда парней и стала что-то искать. При этом бандиты не сообщили, что им надо, просто били Настю и приговаривали: «Отдай».

Через некоторое время Чердынцева узнала правду. В неприятности она вляпалась благодаря Великому Дракону. Парень спер что-то у кого-то, очень ценное, а когда к нему

явились бандиты, дабы отобрать украденное, ничего не нашли.

В тот момент, когда бандиты пытались вытряхнуть из Великого Дракона сведения об украденной ценной вещи, в его ванной находилась проститутка, ярко размазанная девица в синем парике с серебряными перьями. Лишние трупы никому не нужны, криминалитет только в кино мочит всех подряд, в жизни те же солнцевские стараются решать дела относительно мирным путем и за стволы хватаются в крайнем случае. Поэтому шалаву просто пинками выгнали из квартиры, решив, что она не причастна к делу.

Один из бандюганов в тот момент, когда проститутка выскочила во двор, подошел к окну и глянул вниз. Представьте его удивление, когда он увидел, что «ночная бабочка» спокойно садится в дорожный «Мерседес» самого выпендрёжного вида. Парень призадумался: такой автомобиль не по карману шлюхе, которая выезжает по вызову к клиентам на дом. Бандит посмотрел вслед розовому «мерину», и тут до него дошло: бабенка вовсе не наемная «прости господи», а богатая дама, любовница Великого Дракона. Еще больше парень утвердился в своей догадке, когда увидел в комнате приготовленный чай. Согласитесь, немного странно угощать панельную девку этим напитком, ей скорей уж нальют водки.

Сложив вместе все увиденное, бандит сообщил главарю о своих соображениях, и тот сразу понял: их лоханули, развели, как последних сявок. Великий Дракон ухитрился сунуть

украденное своей возлюбленной, а та, удачно прикинувшись шлюхой, выскользнула из их рук. Но бандит, смотревший из окна, оказался парнем не промах, он запомнил номер «мерина». И ровно через полчаса «крутые» узнали, что тачка принадлежит Насте Чердынцевой, модному стилисту, отвязной девице, ведущей весьма раскованный образ жизни.

Собственно говоря, это все. Бандиты прибыли к Насте, для начала сильно избили ее, а потом увезли с собой. И вот теперь она сидит неизвестно где, почти в полной темноте. Ни адреса, ни месторасположения дома она не знает, дорогу не видела: ей завязали глаза. Помещение похоже на подвал, в нем нет ни окон, ни дверей, Настю швырнули туда вниз через люк. Ей не дали ни одеяла, ни подушки, сидеть приходится на голом цементе. Более того, похитители не удосужились предложить пленнице даже стакан воды. Что, с одной стороны, ужасно, так как Настёне смертельно хочется пить, а с другой – хорошо, потому что неясно, где тут туалет, никакой емкости под отходы жизнедеятельности человека не предусмотрено. И куковать в этих малокомфортных условиях Насте до тех пор, пока она не отдаст то, не знаю что, спрятанное неизвестно где. Причем парни настроены по-боевому. Срок на раздумья Настёне определен в семь дней. Что случится с ней по истечении этого времени, не ясно, понятно одно: просто так ее не отпустят, скорей всего, элементарно застрелят в этом подвале.

– Но это же не ты была у Великого Дракона, а я...

– Да, – зашептала Настя, – ты!

– Отчего же ты не объяснила парням, что не имеешь к этой истории никакого отношения?

Неожиданно Настёна заплакала, сквозь судорожные всхлипывания я услышала:

– Как я, по-твоему, могла им это сказать? Подставить тебя? Отправить на смерть? Ясно же было сразу, что они не станут церемониться! Я, Вилка, очень люблю тебя и не способна на подлость!

У меня в носу защипало. Верно говорят, что друг познается в беде. Безалаберная, болтливая, обожающая удовольствия Чердынцева, эгоистка Настька, способная разбудить вас без всяких колебаний в четыре утра, чтобы похвастаться сногшибательным впечатлением, которое она произвела на окружающих во время вечеринки, безголовая парикмахерша, любительница комплиментов и дорогих подарков, оказалась... благородным человеком, пожертвовавшим собой в минуту страшной опасности, чтобы отвести беду от подруги детства.

– Я уж тут посижу, – шептала Настя, – не размокну, а ты, Вилка, помоги мне, найди ЭТО и отдай им! Пожалуйста, постарайся, ты умная, детективные романы пишешь.

– Надо немедленно заявить в милицию, – решительно заявила я, – есть специальный отдел, который занимается похищением людей! Там работают высококлассные профессионалы, они мигом разберутся в проблеме. Кажется, они уме-

ют пеленговать мобильные аппараты.

– Ни в коем случае, – испугалась Настя, – только не иди к ментам. Тогда меня сразу убьют, у этих бандитов все схвачено, везде свои люди, они милицию прикормили. Господи, Вилка, мне тогда точно конец придет! Нет, действуй сама!

– Но что искать?

– Не знаю, – прошелестела Настя.

– Где?

– Понятия не имею, – ответила подруга, – спроси у Великого Дракона, он определенно в курсе. Умоляю, поторопись, спаси меня. Вилка, помоги, Вилочка...

Послышались частые гудки. Дрожащей рукой я положила трубку на рукопись. Жизнь – не криминальный роман и не фильм о Джеймсе Бонде, в котором герой целым и невредимым выходит абсолютно из всех передраг. Каким образом браться за это дело? С какого конца подступить?

В огромной тревоге я начала метаться по комнате. Нет, в милицию идти нельзя, придется самой попытаться спасти Настёну. Эх, хоть бы знать, что искать. Деньги? Документы? Драгоценности? И каким образом связаться потом с Настей? Позвонить ей по телефону?

Ну и бред же лезет мне в голову! Значит, предстоит не только отрыть таинственное НЕЧТО, но еще и установить местонахождение Настёны. Господи, у меня на все про все лишь семь дней! Но не могу же я бросить в беде Чердынцеву! Она-то приняла огонь на себя, увела от меня бандитов!

Впрочем, я стала бы помогать ей в любом случае. Я не получила настоящего воспитания, моим обучением занимался двор, может, я не слишком интеллигентна, не владею фундаментальными знаниями по литературе, истории и путаю, как надо есть рыбу – с ножом или без него. Но одно двор вбил мне в голову просто намертво: сам погибай, а товарища выручай. Значит, прямо завтра, с раннего утра, вернее, уже сегодня я примусь за дело, вот только посплю пару часиков и поеду к Великому Дракону. Уж я-то вытрясу из этого мерзкого красавчика все, живо расскажет, что у кого спер и куда спрятал!

Заснуть мне в эту ночь так и не удалось, я провертелась под одеялом до шести утра, потом быстро умылась, выпила кофе, кое-как накрасила свое бледное лицо с огромными синяками под глазами и пошла заводить «Жигули». Если приеду к мерзавцу около восьми утра, небось застану его дома, навряд ли он убегает на работу раньше.

Пристроив машину у мусорного бачка, я взобралась по лестнице на самый верх и стала звонить в дверь. Впрочем, она не была заперта, слегка похлопывала от сквозняка. Вероятно, Великий Дракон не успел починить сломанную мной филенку. Однако он беспечное существо. Хотя, если подумать, красть у парня, кроме копеечной посуды, нечего. Чего ему опасаться? Вон как крепко спит, просто беда!

Позвонив пару минут, я открыла дверь, вошла внутрь и

сердито позвала:

– Эй, Дракон, хватит дрыхнуть, поговорить надо.

Но из комнаты не доносилось ни звука, я вошла туда – никого. На циновках разбросаны подушки, на софе ровно натянуто шелковое покрывало, на столике белеют две простые салфеточки. Спрятаться в таком помещении просто негде, поэтому я отправилась на кухню, надеясь увидеть там заспанного хозяина с чашкой дымящегося кофе в руке. Небось нацепил наушники от плеера, врубил погромче какого-нибудь Андрея Губина и теперь пытается проснуться. Сама так поступаю по утрам.

Но крошечная кухонька, чистенькая, украшенная кокетливыми розовыми занавесочками, оказалась пуста.

Не зная, зачем это делаю, я полезла в посудный шкафчик. Похоже, Великий Дракон жил один, у него начисто отсутствовали кастрюли, из кухонной утвари имелась лишь одна сильно поцарапанная сковородка, да еще на плите стояла ярко-синяя эмалированная джезва.

Я изучила ванную комнату и в растерянности встала в крохотном коридорчике у стенного шкафа. Ну и куда он подевался? Отправился на службу? Или с утра пораньше подался на рынок, чтобы поискать новую дверь в квартиру? И что мне делать? Без детальной беседы с Великим Драконом и думать нечего заниматься этим делом. Может, подождать его в комнате? А если парень уехал на майские праздники? К приятелям, на дачу, на шашлычок! Погода отличная, впе-

реди куча свободного времени. И что мне, сидеть тут десять дней?

Внезапно я почувствовала тяжелый, сладковато-приторный запах. Я чихнула раз, другой и рассердилась. Умотал на свежий воздух, а про помойку забыл, теперь миазмы ползут по всей квартире. Еще хорошо, что и в комнате, и на кухне нараспашку открыты окна. Нет, если я собираюсь ждать тут хозяина, нужно сначала избавиться от мусора. Надо выставить ведро на лестницу, пусть там воняет!

Решительным шагом я продефилировала на кухню, открыла дверцы под мойкой и наткнулась на идеально чистое красное пластмассовое ведро с газеткой «Московский комсомолец» на дне.

Я растерянно закрыла шкафчик. Мусора-то нет, что же так омерзительно пахнет? Кстати, в кухне амбре практически не ощущается, в комнате тоже, запах чувствуется в коридоре, у стенного шкафа.

Внезапно мне стало так жутко, что затряслись коленки. Я попыталась повернуться, но слабые ноги словно приросли к полу и превратились в свинцовые колонны. Я собрала всю волю в кулак, оторвала от линолеума правую ногу и услышала сначала хлопок входной двери, потом шорох, шарканье... Дрожь мигом прекратилась, Великий Дракон вернулся домой. Господи, ну и дура же я! Напридумывала бог знает чего, нафантазировала. Небось он просто держит в шкафу кучу грязных носков или забыл в сумке кусок колбасы. Я села

на табуретку и навесила на лицо самую сладкую улыбку. Ну, Дракон, погоди, сейчас тебе, красавчик, мало не покажется.

Занавесочка из разноцветных пластмассовых трубочек, закрывавшая вход в кухню, с легким шелестом раздвинулась. С моего лица мигом стекла заготовленная улыбка. Это не Великий Дракон, в кухню, таща тяжелую торбу, доверху набитую продуктами, вошла хорошенькая девчоночка лет двадцати с виду, одетая в мини-юбочку из искусственной красной кожи и обтягивающую маечку цвета кофе с молоком.

Увидав меня, она сначала попятилась, потом поставила сумку на пол, смахнула тыльной стороной ладони мелкие капельки пота со лба и неожиданно спросила:

– Сегодня че? Понедельник?

– Вроде, – осторожно ответила я.

– А-а, – протянула девочка, – я уж испугалась, что перепутала. Дима-то где?

Сообразив, что она спрашивает про Великого Дракона, я осторожно ответила:

– Не знаю, сама удивилась. Пришла – его нет. Может, в магазин ушел?

Девушка захихикала.

– Кто? Димка? Скажете тоже! Еще придумайте, что он во-круг дома для здоровья бегает. Димочка по лавкам не шляется, я продукты покупаю и приношу, раз в неделю! А вы краситься будете? В какой цвет? Сейчас рыжий в моде, на подиуме все такие...

Продолжая болтать, она принялась вываливать на столик принесенные харчи: творог, йогурты, батон докторской колбасы, сыр.

Я молча наблюдала за простодушной девчонкой. Она совершенно не удивилась, найдя на кухне постороннюю женщину, значит ли это, что у Великого Дракона, которого, кажется, зовут Димой, часто бывают гости? И кем эта трещотка приходится хозяину? Любовницей? Тогда она патологически не ревнива.

Положа руку на сердце, скажите, дорогие мои, обнаружив рано утром на кухне у своего мужика неизвестную бабу, что вы подумаете? Вот-вот, а эта девочка ведет себя так, словно ничего особенного не происходит, будто мне положено находиться тут.

– Чем у него так воняет? – спросила девчонка. – Чувствуете? Просто смрадом несет!

Внезапно мне стало жарко. Девушка тем временем выскользнула в коридор.

– Ну и вонища, задохнуться можно, ну и...

– Не открывай шкаф, – заорала я, вылетая в прихожую, – не трогай!

Но она уже дернула за ручку. Полированные створки разошлись в разные стороны, стала видна палка, на которой, сдвинутые в одну сторону, висят пиджаки, рубашки, джинсы...

– Димка! – удивленно воскликнула девушка. – Ты чего

туда залез? Ой!

Я тоже машинально посмотрела в шкаф, поэтому не успела подхватить рухнувшую на пол девуцу, она мгновенно потеряла сознание, да и кто бы устоял на ногах при виде откровеннейшей картины? Дракон выглядел ужасно.

Тело парня скрючилось в углу, руки безвольно повисли вдоль торса, они отчего-то казались очень длинными. Голова была откинута назад, на лицо с открытым ртом, вываленным языком и выпученными глазами лучше было не смотреть, шею Димы обхватывал шнурок, которым кто-то безжалостно задушил его.

Преодолевая липкий ужас и старательно пытаясь не свалиться около девчонки, я захлопнула шкаф. Потом попыталась вытащить девуцу на лестницу, но не тут-то было. Маленькая, хрупкая с виду, она оказалась каменно-тяжелой, просто неподъемной. Чувствуя ужасную дурноту от запаха разлагающегося тела, я влетела в туалет, вытряхнула из пластмассового стаканчика щетку, набрала туда холодной воды и вылила ее девчонке на лицо:

– Ну-ну, открой глаза!

Веки ее дрогнули, глаза открылись.

– Дима, – прошептала девушка.

– Вставай, пошли скорей отсюда.

– Но Дима...

– Давай, давай, – потянула я ее за руку, – ну, вот так, шагай

вниз.

ГЛАВА 6

Покачиваясь и держась за стенку, девчонка сползла вниз, во двор. Я втокнула ее в «Жигули», отъехала в соседний двор и налетела с вопросами:

– Ты кто?

– Марина, – растерянно ответила она, дрожащими пальцами пытаюсь привести волосы в порядок.

– Диме кем приходишься?

– Сестрой, – прошептала Марина, – двоюродной, мы вместе в Москву приехали.

– Откуда?

– Из Гольцева.

– Это где?

– Ну, далеко, за Уральскими горами. А Дима умер?

Я подавила тяжелый вздох и ответила:

– Да.

– Почему? – забормотала Марина, вжимаясь в сиденье. – Отчего он в шкаф залез?

– Его туда засунули после убийства.

Неожиданно Марина посерела и затряслась, словно суслик, в недобрый час попавший под снег.

– Это вы его... да? Вы? А теперь и меня хотите? Специально ждали? Знали, что я по понедельникам еду приношу?

– Не пори чушь, – обозлилась я, – ну-ка, посмотри, разве

моими руками можно задушить сильного, молодого парня? Я пришла к Диме за десять минут до тебя.

– Вы клиентка? – порозовела Мариночка. – Голову красить, да?

Ее простенькое, глуповатое личико с вздернутым носиком и круглыми, слегка навывкате голубыми глазами портили ярко мелированные волосы. Такой девочке больше бы подошли русые косы, на худой конец хвостик с простой, не рваной челкой, но ей очень хотелось выглядеть модной, отсюда и эта невероятная окраска.

– Нет, я не клиентка.

– А кто? – снова побелела Марина. – Бандитка? Киллерша?

Беда с этим поколением пепси! Получив все блага прогресса, они начисто отучились думать.

Я протянула руку и взяла с заднего сиденья книгу.

– Смотри.

Дрожащими пальчиками Марина схватила томик и прочитала:

– «Кошелек из жабы». Это что?

– Детективный роман, – пояснила я, – хороший, вмиг со склада улетел. Коммерческий директор его два раза допечатывал, страшно доволен остался, ему нравится, что книга приносит прибыль. Он, директор то бишь, со мной теперь даже в коридоре издательства раскланивается.

– А вы тут при чем? – вытаращилась Марина.

– Переверни книгу, на обороте дана фотография автора, правда, плохая, и сведения о нем.

Марина послушно перевернула детектив. Пару минут в машине стояла тишина, потом она с невероятным удивлением воскликнула:

– Но ведь это вы! Арина Виолова!

– Да! Только меня зовут Виола Тараканова, а на обложке указан псевдоним.

– Круто, – покачала головой Марина, – первый раз писательницу вижу. Дайте автограф! Ну вот эту книжечку подпишите, я хвастаться буду, что с вами знакома. Сколько она стоит?

– Обязательно подарю ее тебе, – заверила я ее, – только сначала выслушай меня.

Марина замерла, прижимая к себе книгу. Как могла, я объяснила ей ситуацию. Девушка охала и восклицала:

– Во блин! Во дела! Ну и ни фига себе!

– Понимаешь теперь, что Дима был моей последней надеждой? Его убили из-за того, спрятанного! – закончила я рассказ.

Маринка судорожно вздохнула.

– Что же теперь делать?

Я пожала плечами:

– Искать.

– А что?

Хороший вопрос.

– Пока не знаю, но надеюсь на твою помощь.

– Но я-то чего могу?

– Расскажи все, что знаешь про Диму, ты ведь, наверное, хочешь, чтобы убийцы твоего брата были наказаны.

– Ясное дело! – с жаром воскликнула Марина.

– Тогда попытайся припомнить мельчайшие подробности, может, что-то натолкнет меня на правильный путь!

Мариночка судорожно вздохнула.

– А курить у вас можно?

– Сколько угодно.

Девушка осмотрелась и воскликнула:

– Сумку-то я у Димки забыла!

Я порылась в бардачке и вытащила помятую пачку сигарет.

– Сойдет?

Мариночка скривилась.

– Другого-то все равно нет! Давайте.

Я с нетерпением ждала, пока она раскурит сигарету. Ей-богу, некоторые представительницы женского пола такие жуткие копуши, что их так и хочется толкнуть кулаком в спину: «Быстреей, быстреей».

Похоже, Марина из этой породы. Сначала она томительно долго рылась в пачке. На мой взгляд, совершенно неоправданно, сигареты-то все похожи, как яйца. Потом принялась разминать сигарету пальцами, нюхать, затем долго возилась с прикуривателем. Наконец по салону зазмеился голубой ды-

мок, и Марина начала рассказ.

Им с Димой не повезло с самого детства. Их матери, родные сестры, имели детей вне брака. Впрочем, дело это не редкое, многие женщины обзаводятся потомством, не имея штампа в паспорте, но все-таки основная их часть может называть имя отца младенца. А вот Людмила и Катерина даже не представляли, кто папаши их деток. Слишком много мужчин прошло через крохотную двухкомнатную квартиру, где обитали веселые сестрички, вся жизнь которых состояла из череды пьянок и гулянок. Можете представить, как они «гудели», если соседи, сами ведущие беспорядочный образ жизни, начали пачками таскать заявления к участковому.

В конце концов и Людмила, и Катерина допились до смерти: угостились фальшивой водкой и оказались на небесах, оставив на земле своих детей: Диму и Марину.

Крохотное Гольцево, родина брата с сестрой, место унылое. Там имелся небольшой металлургический завод, на котором работало все население от мала до велика, из учебных заведений были лишь школа и ПТУ, ковавшие кадры все для того же предприятия. Молодежь, получив девятилетнее образование, плавно перетекала в училище, потом становилась к станкам, и все. Дальнейшие интересы молодых крутились вокруг семейной жизни. По большому счету, Гольцево, хоть и считалось промышленным центром, являлось просто большой деревней, где все про всех было известно. Если вы покупали новый телевизор или пылесос, то могли быть уве-

рены, что языкастые, глазастые соседи сразу начнут перемы-
вать вам кости. Любое ваше телодвижение тут же станови-
лось известным, любая мелочь самозабвенно обсуждалась,
вырваться из замкнутого круга было практически невозмож-
но. Кто посмелей, тот пытался найти счастье в Екатеринбу-
рге, но школа в Гольцеве давала такие отвратительные знания,
что ее выпускники не имели никаких шансов в городе, да и
одиннадцатилетку тут заканчивали единицы.

Дима и Марина были из их числа. Под удивленный ше-
поток местных сплетниц они получили аттестаты о полном
среднем образовании.

– Вон оно как, – вздохнула директриса, вручая их брату и
сестре Горбуновым, – другая мать тянет своего ребенка пря-
мо зубами, а толку ноль. Вы же сами ухитрились одиннадца-
тилетку окончить.

В словах директрисы слышались неприкрытое раздраже-
ние и зависть. Ее собственный сын еле-еле доплелся до де-
вятого класса и сейчас валял ваньку в ПТУ. Поэтому ее и
душила злоба на этих оборванных, голодающих детей, кото-
рым на роду было написано сгнить возле матерей-алкоголи-
чек. А они! Вы только поглядите! Получили аттестаты без
троек! Не в силах справиться с собой, директриса не терпе-
ла и произнесла перед своими лучшими учениками напут-
ственную речь.

– Только не сильно вам аттестаты помогут, – покачала она
головой, – в то же ПТУ и отправитесь.

– Почему? – спросил Дима.

– Потому, – хмыкнула учительница, – больше у нас податься некуда.

– А в Екатеринбург, в университет? – не сдавался Дима.

– Так там тебя и ждут, – захихикала она, – даже и не пытайся, мигом обломают.

Целую неделю Дима и Марина обдумывали, как поступить, а потом, решив рискнуть, уехали из Гольцева в Екатеринбург. Им сказочно повезло, один из соседей выдал замуж дочь и купил у брата с сестрой квартиру, двушку, за большие для Гольцева деньги – три тысячи долларов.

Дима с Мариной прикатили в огромный город и вскоре срезались на экзаменах, получили по двойке. Он за математику, она за сочинение. Возвращаться назад не хотелось. Брат с сестрой представили себе довольно ухмыляющуюся директрису и ее сына – Митрофана, баящего:

– Ну чего, Ньютоны! Поотшибало вам рога-то!

И потом, жилья нет, квартира продана, деньги получены. Дима с Мариной десять дней прошлялись по Екатеринбургу, поняли, что жить им тут хочется еще меньше, чем в Гольцеве, и приняли историческое решение – штурмовать Москву.

В столицу они прибыли рано утром и замерли на огромной площади, напоминавшей муравейник. Их обуревали разнообразные чувства: страх, надежда, уверенность в том, что рано или поздно этот город, словно верный пес, ляжет у их ног, и полное отчаянье: куда идти? Среди многомил-

лионного населения мегаполиса у Димы и Марины не было ни одного родственника. Да что там родственника, у них не имелось тут даже знакомых.

Достав из пришитого к пиджаку с внутренней стороны кармана деньги, Дима купил справочник для поступающих в вузы, и они с Мариной предприняли еще одну попытку стать студентами, такую же неудачную, как и первую.

Пришлось снимать комнату. Бедные дети полной ложкой нахлебались неприятностей. Они перебивались случайными заработками, но, крепко сцепив зубы, были уверены, рано или поздно Москва покорится им, они получают все: квартиры, машины, загородные дома, виллы на побережье и счета в иностранных банках. Одна беда, устроиться на приличную работу оказалось невозможно, да и что они могли предъявить на рынке труда: аттестаты без троек и огромную амбициозность?

Деньги таяли, брат с сестрой начали экономить на всем, если они три раза, но не в день, а в неделю, понедельник, среда, пятница и суббота были «постными» днями. Одежду добывали в секонд-хенде. К счастью, там попадались замечательные шмотки, правда, сильно поношенные, но, в конце концов, на джинсах же не написано, что их до вас истрепал другой человек?

Но, даже несмотря на отчаянные меры, кучка долларов стремительно таяла, и наконец настал момент, когда от нее остался лишь один зеленый листочек, совершенно жалкий и

тоскливый.

И именно в этот момент судьба решила, что Дима с Мариной достаточно намучились и достойны награды.

В тот судьбоносный день Дима в огромной тоске брел по ярко освещенной Тверской. Он чувствовал себя совершенно чужим на этом празднике жизни. Вокруг сияли витрины дорогих магазинов, у бордюров стояли шикарные иномарки, а по тротуару дефилировали шикарно одетые люди. Диме в слишком холодной для февраля кожаной куртке и тонких осенних ботинках было не очень комфортно. Желудок мучительно сжимался, но денег не хватило даже на простой гамбургер. В полном отчаянии Дима шел к самой популярной закусочной, он хотел устроиться туда на работу уборщиком. Легкий лед покрывал тротуары, парень поскользнулся и, чтобы не упасть, вцепился в дверь магазина.

Ангелы на небесах заиграли в трубы, госпожа Удача распростерла над Димой свое крыло. Чертыхнувшись, парень удержался на ногах, машинально глянул на стеклянную дверь и понял, что перед ним не очередной бутик, а парикмахерская, вернее, салон красоты: «Студия Вероники Бовари». Внизу висело небольшое объявление: «Мы работаем для вас круглосуточно, все виды парикмахерских работ, массажист, косметолог, солярий, маникюр и педикюр. Лучшие цены, система дисконтных карт и скидок. От нас уходят красивыми, мы – ваша удача». Еще ниже был приклеен листок: «Требуется ученик». Секунду Дима колебался, потом толкнул дверь

и вошел в пахнущее дорогими духами царство. С этого момента жизнь его кардинально изменилась. В жизни каждого человека рано или поздно звучат барабаны судьбы, важно понять, что звучат они для тебя.

Дима понравился хозяйке салона, молодящейся Веронике, и его приставили к делу. Зарплата была невелика, сущие копейки, но, во-первых, мастеров бесплатно кормили обедом, во-вторых, щедрые клиенты давали чаевые, а в-третьих, и это самое главное, Дима понял: ни в какой институт он поступать больше не станет. Ему очень понравилась профессия парикмахера.

Первый год он был на подхвате, мыл клиентам голову, подавал чай, подметал зал и скреб туалеты. Мастера, а Вероника брала к себе на работу только высококлассных специалистов, отнеслись к симпатичному мальчику по-отечески, а когда поняли, что тот совершенно искренне хочет овладеть профессией, начали учить его.

Стоило Диме взять в руки расческу и ножницы, как он понял: это его дело. Единственная беда, тренироваться на клиентах ему, естественно, никто не разрешал, и тогда парень начал без конца стричь Марину. Сестра, тоже пристроенная в салон на должность ученицы маникюриши, не сопротивлялась, но скоро настал момент, когда кромсать у нее на голове оказалось нечего, на макушке Марины топорщился петушиный гребешок.

Дима сначала приуныл, но потом блестяще вышел из по-

ложения. Он дал в газету объявление: «Дамский мастер делает вам за умеренную цену прическу. Если не понравится – можете не оплачивать». И к парню на дом потекли клиенты.

Год назад Диму наконец перевели из учеников в мастера, ему прибавили зарплату, да и чаевые стали побольше. Маринка, успешно полировавшая ногти мужчинам и женщинам, тоже радовалась жизни. Они с братом разъехались по разным квартирам и попытались устроить свою личную жизнь независимо друг от друга. Правда, пока им не очень везло. И Дима, и Марина хотели не столько любви, сколько богатых спутников жизни, но обеспеченные мужчины и женщины, посещавшие салон, не обращали внимания на молодых мастеров.

Впрочем, деньги у брата с сестрой появились. Дима начал покупать дорогую парфюмерию, а потом вдруг приобрел себе квартиру.

– Квартиру? – перебила ее я. – Какую?

– А ту, где мы только что были, – пояснила Марина. – Она, конечно, не фонтан, комната всего одна, зато своя! Еще мебель купил и холодильник, вот на телик уже не хватило!

Я вспомнила дешевую вешалку из некрашеного дерева, софу и гору подушек на колючей циновке. Ну, похоже, на обстановку он не много потратил, да и ремонт в квартире сделать не успел, просто заклеил грязные стены в ванной клеенкой, но все равно, где Дима раздобыл отнюдь не малые деньги на приобретение жилья?

– И откуда у него средства?

– Понятия не имею, – пожала плечами Марина.

– Ты не интересовалась?

– Спрашивала, конечно.

– А он?

– Смеялся только: птичка в клювике принесла, повезло, дескать. Он и мне пообещал.

– Что?

– Квартиру, – вздохнула Маринка. – Обнял за плечи и сказал: «Не завидуй, сеструха, тебе скоро эта хата достанется, я в другую перееду».

– И ты не заволновалась, узнав о планах брата? – покачала я головой. – Ясное же дело, что честным путем столько денег не заработать. Не на чаевых же он накопил на две квартиры. Извини, в это верится с трудом.

– Ага, – грустно кивнула Маринка, – мне тоже. Только Димка откровенничать не захотел, сказал лишь: «Не бойсь, я на золотую жилу попал».

– И где ты ее разрабатываешь? – прищурилась Марина.

– А в салоне, – ухмыльнулся брат, – там такие дела творятся!

– Какие? – напряглась сестра. – Я же там тоже день-деньской сижу и ничего не вижу.

– Плохо смотришь, – захихикал брат, – невнимательная ты! Дурашка!

– Ну расскажи, – заныла Марина, – интересно же!

Но брат, всегда потакавший сестре, на этот раз проявил твердость.

– Нет, – ответил он, – меньше знаешь – дольше живешь, есть такая закономерность.

ГЛАВА 7

Мы посидели молча еще пару минут, потом я сказала:

– Тебе придется идти назад, в квартиру.

– Ни за что! – закричала Марина. – Зачем?

– Нельзя же там труп оставить!

Она зарыдала в голос.

– Нет, не пойду, только с тобой. Или лучше вообще туда не соваться. Давай позвоним в милицию и анонимно сообщим о преступлении.

Я заколебалась, самой неохота иметь дело с районным отделением, но тут же я поняла, что выхода нет.

– Там, на кухне, осталась твоя сумка с неразобранными продуктами, сразу станет ясно, что приходила сестра. Нет уж, пошли.

– Не хочу, – уперлась Марина, – одна ни за что!

– Ладно, – сдалась я и покатила назад, во двор к Диме.

По лестнице мы взобрались довольно быстро, но возле незакрытой двери сдрейфили и уставились друг на друга.

– Хоть режь меня, – прошептала Марина, сливаясь по цвету со своей нежно-бежевой маечкой, – но я туда ни за какие коврижки не войду.

– Ладно, – кивнула я и вытащила мобильный, – подождем специалистов на лестнице.

Милиция явно не торопилась к очередному трупу, и мы

с Мариной успели разработать план. Значит, так, мы с ней хорошо знакомы и пришли вместе к Диме, принесли ему продукты. Сначала просто удивились, обнаружив сломанную дверь, прошли на кухню, стали раскладывать еду, но потом почувствовали запах, открыли шкаф...

Милиционеры появились лишь через два часа. Их было трое, похожих, словно близнецы: грязные джинсы, мятые рубашки и сильный запах мятной жвачки.

Никакого особого интереса к нам они не проявили. Было видно, что им страшно не хочется заводить себе на голову новое дело, но ничего не попишешь. Нас допросили и отпустили. Труповозка прибыла на удивление быстро, разбитую дверь украсила бумажка с печатью, и мы с Маринкой очутились во дворе.

Яркое солнце заливало покосившиеся скамеечки и песочницу. Время подбиралось к двум часам.

– И что мне теперь делать? – вздохнула Марина. – В три надо на работе быть.

– Давай подвезу, – предложила я, – кстати, мне нужно посетить салон, посмотреть, что там к чему...

Марина молча кивнула.

– Ага, только мне придется прямо так ехать, времени на переодевание нет. Клиентка ровно в три притопает.

– Ты замечательно выглядишь, – заверила я ее, – садись в машину.

Ровно без десяти три я припарковалась возле двери, укра-

шенной вывеской с изображением женской головы.

– Ты иди сюда, – Марина ткнула пальцем в стеклянную дверь, – а мне через боковой вход, нам не разрешают вместе с клиентами входить.

Не успела я глазом моргнуть, как она унеслась. Поколебавшись секунду, я толкнула широкую прозрачную дверь и очутилась в просторном зале. С правой стороны виднелись ряды кресел, между ними стояли столики с зеркалами, слева за большой конторкой сидела прехорошенькая девушка, волосы которой были уложены в затейливую прическу: огромная башня, украшенная каскадом искусственных цветов и бисера.

– Здравствуйте, – заулыбалась она, – чем могу помочь?

– Э... мне хотелось бы постричься.

– Вы записаны?

– Нет.

– Тогда, боюсь, будет сложно попасть к мастеру, – продолжала лучиться улыбкой администратор, – наши ведущие стилисты работают по предварительной договоренности. Но, впрочем, погодите.

И она стала внимательно изучать экран мерцающего перед ней компьютера.

– Вот Карина свободна, – сообщила она наконец, – это наш молодой специалист, пойдете?

Я кивнула. Значит, ведущие мастера у них завалены работой настолько, что вклиниться в их плотное расписание

просто невозможно, а эта Карина плюет в потолок. И о чем это говорит? Всего лишь о том, что, скорей всего, девица не умеет ни стричь, ни красить, ни укладывать, вот и сидит без работы. Интересно, сколько стоит тут обычная укладка волос? Будет ужасно, если мне не хватит денег.

– Пойдемте, – прочирикала возникшая словно по мановению волшебной палочки худенькая женщина с абсолютно прямыми белокурыми волосами.

Мы двинулись в глубь помещения, путь лежал мимо столика, заставленного пузырьками с разноцветными лаками. Марина, державшая в руках пилочку, подняла голову и улыбнулась мне.

– Садитесь, – велела Карина.

Я опустилась в кресло, Марина оказалась буквально рядом, мне хорошо была видна ее ярко мелированная голова, склоненная над руками элегантной дамы, украшенными кольцами с огромными камнями.

– Ногти делаем овальными? – спросила она у клиентки.

Та недовольно ответила:

– Неужели трудно запомнить? Я хожу сюда как на работу, два раза в неделю, и каждый раз слышу один и тот же идиотский вопрос!

Марина покраснела и усердно заработала пилочкой. Я подавила тяжелый вздох. Хуже нет, чем иметь дело по службе с людьми. Довольно долгое время я была наемной преподавательницей, уборщицей, да кем только не была, пока не на-

чала писать криминальные романы. Поэтому я имею право дать совет: если есть возможность устроиться на работу, которая не связана с обслуживанием людей, немедленно бегите туда. Лучше уж в зоопарке точить когти тигру, чем лакировать ногти капризной дамочке. Хищник, по крайней мере, молчит. И уж совсем ужасно обслуживать богатых. Во-первых, большинство из них угодило из грязи в князи и теперь считает своим долгом унижать всех, кому не повезло украсть стратегические и природные богатства родины, а во-вторых, отдавая вам деньги, такой человек требует рабского подчинения. К сожалению, интеллигентность и воспитание нельзя купить так же легко, как бриллиантовые серьги.

– Не похоже, что вы красите волосы, – сказала Карина.

Я, краем уха слушая, как клиентка распекает несчастную Марину, соврала:

– Понимаете, у меня завтра день рождения.

– Заранее поздравлять плохая примета, но желаю счастья, – улыбнулась Карина, – здоровья и денег побольше.

– Да уж, – вздохнула я, – деньги не помешают, честно говоря, у меня их кот наплакал.

Карина оперлась на кресло.

– Зачем вы тогда сюда пришли, а? Тут с вас дикие бабки сдерут.

– Да вот, решила подарок себе к празднику сделать – хорошую прическу. Я преподаю немецкий язык, и мать одного из моих учеников стрижется здесь, она очень хвалила неко-

его Диму, говорила, он хорошо работает и берет недорого.

Карина хмыкнула:

– Дима сегодня к трем подойти должен, что-то его нет до сих пор, опаздывает. Если хотите, могу поглядеть, есть ли у него свободное местечко.

– Нет, спасибо. А вы можете меня причесать?

– Легко, – кивнула Карина.

– До завтра прическа доживет?

– Залачим покрепче, и все.

– Простите, сколько стоит укладка?

– Сто долларов.

Я чуть не выпала из кресла.

– Сколько?

Карина снисходительно посмотрела на меня.

– Сотню баксов или рублями по курсу, можно оплатить карточкой, только, думается, у вас ее нет!

– Нет, – согласилась я, – впрочем, и валюты нет. Да я бы и не отдала такую сумму за прическу, жалко.

Карина тоненько засмеялась. Боковым зрением я увидела, как Марина встала, потом услышала ее голос:

– Секундочку, я только горячей воды принесу.

– Поторопитесь, любезная, – недовольно протянула капризная клиентка, – у меня времени совсем нет.

Марина кивнула:

– Один момент!

Карина перестала смеяться и тихо сказала:

– Сюда нормальные люди не ходят, а те, кто является, сто баксов за деньги не считают, хотя лично я столько за комнату плачу.

– Вы не москвичка?

Карина покачала головой:

– А тут почти все из провинции. Вероника, хозяйка, очень хитрая, иногородним можно меньше платить, но мы тоже не промах. Вот что, я вам дам сейчас свой адрес. Если завтра в восемь утра приедете, уложу вас, как картинку, за триста рублей. Понравится – станете ко мне на дом ходить. У меня много клиентов, нормальных людей, которым неважно, где голову в порядок приводить, в салоне на Тверской или на кухне у мастера.

– Спасибо, – обрадованно воскликнула я, – а что же мне на выходе сказать?

– Ничего, – мотнула головой Карина, – я сама все улажу.

– Сколько можно ходить за водой! – взвизгнула клиентка, ожидавшая Марину. – Эй, там, на ресепшен, куда маникюрша подевалась?

К столику подскочила девица с «башней».

– Что-то случилось?

– Это полнейшее безобразие, милейшая, – злилась дама, – маникюрша пошла за водой и пропала! Жду уже целый час! Между прочим, моя минута дорого стоит, я не привыкла просто так разбрасываться временем. Немедленно отыщите эту мерзавку, небось покурить решила. Имейте в виду, я не

стану платить за такое обслуживание.

– Сейчас, сейчас, – засуетилась администраторша, опрометью бросаясь в глубь зала, – у нас на работе не курят, да и не позволит она себе никогда клиента задержать, может, у нее живот схватило!

– Вот, – тихо сказала Карина, подавая мне бумажку, – завтра в восемь утра, останетесь довольны.

Я посмотрела на листок. Ясенево, не ближний свет, и потом, у меня всего семь дней.

– Скажите, а сегодня никак нельзя?

Карина взяла со столика органайзер:

– Погодите минутку!

– Меня совершенно не интересуют физиологические отправления вашей маникюрши, – перешла на визг клиентка, – просто отвратительно! Еще повесьте тут расписание своих критических дней!

– Последний клиент в восемь придет, – сказала Карина, – мужчина, без краски, час нам на все про все хватит. Значит, где-то в полдесятого я могу уйти, ну, пока доберусь... В одиннадцать не поздно?

– Знаете что, – предложила я, – хотите, я заеду за вами в девять тридцать, у меня машина.

– Классно, – оживилась Карина, – меня прямо ломает в метро, я вам такую голову сделаю, все обзавидуются.

– А-а-а-а, – истошно завопила клиентка, – а-а-а!

Я повернула голову. Вот странная женщина, ну, подума-

ешь, опаздывает, но зачем же издавать такие звуки? В конце концов, не одна здесь находится.

Вопль неся по салону, эхом отражаясь от стен и зеркал, на звук из маленького коридорчика выскочила администраторша, и я в ту же секунду сообразила, что это орет она, а не капризная дамочка с необработанными ногтями.

Все мастера побросали работу и повернули голову на звук, клиенты насторожились.

– А-а-а-а, – колотилась девица с «башней».

– Что случилось, Анджела? – строго спросила появившаяся в зале девушка, одетая в мятые джинсы и футболку. – Немедленно прекрати!

– Вероника! – воскликнула капризная клиентка. – Ну и бардак в твоём салоне! Черт-те что творится! Имей в виду, я теперь буду ходить к Дессанжу! У него мастера такого себе не позволяют! Уйти за водой и пропасть! Завизжать на всю ивановскую! Да уж, верно говорят, сколько ни дави в себе город Крыжополь, он все равно вылезет! Хоть сто раз парикмахерскую студией назови, только если хозяйка до двадцати лет на двор по нужде бегала и картошку окучивала, толку не будет!

Вероника покраснела и довольно зло ответила:

– Я никого сюда силой не затаскиваю, сами приходите!

– Ты мне не хами, – взвилась клиентка, – я плачу хорошие деньги и требую нормального обслуживания.

– Сама-то, – прошептала Карина, – ой, не могу! Из грязи

да в князи!

– Немедленно всем мастерам приступить к работе, – железным тоном велела Вероника, потом уже более мягко произнесла: – Приношу глубокие извинения всем клиентам. Анджела будет немедленно уволена!

– Займется кто-нибудь наконец моими ногтями? – перебила ее дама.

– Где Марина? – сурово спросила Вероника. – Почему ее нет на рабочем месте?

Я решила защитить девушку:

– Она пошла за водой.

– И утонула! – подхватила клиентка.

– Марина умерла, – сказала Анджела и опять завизжала.

Она явно съехала с катушек. Замолчала при виде начальницы, но потом снова впала в истерику, затопала ногами, затрясла головой, «башня» начала заваливаться набок.

– А ну, перестань пороть чушь! – заорала Вероника.

Анджела захлебнулась криком.

– Где Марина? – строго спросила Вероника.

– В туалете, – пролепетала Анджела, – возле унитаза сидит, убитая!

В салоне воцарилась невероятная тишина, потом все мастера во главе с хозяйкой рванулись в боковой коридорчик. Я последовала за ними.

– Имей в виду, Анджела, – шипела Вероника на ходу, – тебе эта шутка дорого обойдется. Выгону без выходного по-

собия и еще заставлю оплатить...

Не договорив фразу до конца, она дернула за ручку двери, украшенной буквами «WC».

Мастера столпились за спиной хозяйки, на какую-то секунду все звуки смолкли, потом девушки завизжали, словно поросята, увидевшие бойню.

– Заткнитесь, – попыталась навести порядок Вероника.

Но тщетно! Подчиненные не слушались начальницу. Одна из парикмахерш, не в силах сдержаться, зажала рот и толкнула соседнюю дверь. В коридор ворвался шум улицы. Это был служебный вход. Девушки выскочили во двор, и я наконец увидела внутренность туалета.

Небольшая комнатка, выложенная простой белой плиткой. У стены – унитаз, сбоку висит круглая раковина. Тонкая струя воды течет из открытого крана, на полу валяется нежно-голубая пластиковая мисочка, а Марина сидит в углу, навалившись на корзину для мусора. Ноги ее неестественно подогнуты, руки раскинуты в стороны, лицо запрокинуто, шею обхватывает черный ремешок, туго врезавшийся в белую кожу.

– Спокойно, – забормотала Вероника, – только спокойно. Анджела, немедленно ступай в зал и успокой клиентку, сообщив, что у маникюрши сердечный приступ, она жива и сейчас будет отправлена в больницу.

– Но Марина умерла! – взвизгнула плохо соображавшая администраторша.

Вероника вlepила ей пощечину.

– Дура! Делай, что велят! Да немедленно собери девок, ишь, разорались во дворе, кретинки! Живей!

Всхлипывая, Анджела понеслась выполнять указания начальства. Вероника перевела дух, закрыла туалет, навалилась на дверь и тут увидела меня, прижавшуюся к стене.

На лице хозяйки салона появилось самое сладкое выражение.

– Э, добрый день, – улыbнулась она.

– Здрассти, – кивнула я.

– Рада видеть вас у нас! Пришли сделать прическу?

– Да, впервые заглянула.

– И кто вами занимается?

– Карина.

Вероника схватила меня за рукав.

– Кара, конечно, хороший мастер, других у нас просто нет, но у нее опыта маловато, вам нужно к Светлане, та просто творит чудеса.

Не понимая, куда она клонит, я ответила:

– Я заглянула к вам случайно, просто шла мимо, на рецепшен сказали, что парикмахеры заняты!

Вероника потащила меня по коридору и втолкнула в свой кабинет.

– Анджела дура, – заявила она, – ее давно следует выгнать. Держу ее из милости, не умеет нормального клиента распознать. Вас как зовут?

– Виола Тараканова.

– Ах, милая Виолочка, – запела Вероника, роясь в столе, – я сразу поняла, мы с вами люди одного круга, работающие женщины, вынужденные самостоятельно скрести лапками, чтобы добыть себе денег на скромное существование. У вас ведь тоже нет богатого мужа, который разрешает вам пользоваться своим кошельком?

– Нет, – осторожно ответила я.

– Понимаю! – с энтузиазмом воскликнула Вероника. – Сама, как бешеная белка, верчусь. Вот вам от меня скромный подарок.

Я уставилась на ярко-розовую бумажку.

– Что это?

– Абонемент на десять бесплатных посещений моего салона, – пояснила хозяйка, – видите, вот тут написано: «Сто-процентная скидка». Приходите завтра, в одиннадцать утра, вас обслужит Светлана, наш лучший мастер, волшебница.

– Но почему вы решили сделать мне такой царский презент? – изумилась я.

– Просто почувствовала в вас родственную душу, – прочитала Вероника, – берите, берите, не стесняйтесь, для своих друзей я всегда делаю скидки.

Я положила листочек в сумку.

– Спасибо, обязательно воспользуюсь.

– Да, кстати! – воскликнула Вероника. – Маленькая просьба! Сделайте одолжение, не рассказывайте никому о

том, что увидели в туалете. Понимаете, клиенты...

– Ясно, – перебила я ее, – вам незачем покупать мое молчание, я не стану разносить эту новость по Москве.

– Что вы, Виолочка! – всплеснула руками Вероника. – Какая плата! Что за ерунда! Просто я чувствую к вам необъяснимое расположение, вот и решила помочь вам изменить имидж, завтра в одиннадцать, не забудьте!

ГЛАВА 8

С гудящей головой я села в «Жигули» и поехала домой. До половины десятого вечера полно времени, успею выпить чаю и полежать на диване. Мне просто необходимо явиться на свидание к Карине с трезвой головой. Надеюсь, она в курсе того, что происходит в салоне, а в парикмахерской творится нечто странное. Сначала убили Диму, потом Марину. Маникюрша пошла в туалет за водой, а там ее поджидал убийца. Или нет, он вошел через служебную дверь, задушил несчастную и тут же покинул помещение. На парадном входе дежурит охранник, а на выходе во двор никого нет.

Интересно, как киллер узнал, что Марина пойдет в туалет? Как, как! Да очень просто! В парикмахерской огромные окна, мне, кстати говоря, это не очень нравится, сидишь со всклокоченной головой на обозрении всей улицы, словно рыба в аквариуме. Я предпочитаю укромные парикмахерские. Ну зачем всем пешеходам видеть, как мне красят волосы? Но это не имеет отношения к делу, главное, что с Тверской при желании можно легко увидеть все передвижения персонала внутри зала.

Убийца спокойно наблюдал в окно, он заметил, что Маринка встала, взяла голубую мисочку и направилась в коридор. Естественно, киллер мгновенно понял, что она отправилась за водой, и пошел к служебному входу. Значит, он

хорошо знает внутреннее помещение салона, бывал тут, изучил обстановку.

Господи, что же такое знали Дима и Марина, несчастные дети из провинции, задумавшие покорить Москву, раз их убили? Во что они вляпались? И что делать мне, скажите на милость? У кого узнать про таинственное НЕЧТО, из-за которого Настю держат в цементном подвале? Нет, надо обязательно как следует расспросить Карину, у Димы и Марины, наверное, имелись друзья в салоне или любовники, не может быть, чтобы сотрудники вообще ничего не знали о брате с сестрой. И потом, ну откуда Дима добыл денег на квартиру? Ему заплатили. За что? Может, за хранение таинственной вещи?

То ли от неожиданно пришедшей в город жары, то ли из-за ужасных событий у меня заболела голова. Кое-как добравшись до дома, я приткнула «Жигули» возле детских качелей и моментально услышала недовольное ворчание Варвары Анисимовны, бабульки с третьего этажа, прогуливавшей во дворе внука:

- Приехала, навоняла, тут дети играют!
- Но я же на мостовой поставила машину.
- Возле детской площадки!
- Больше негде.
- Накупили колес, – зашипела старуха, – порядочным людям деваться некуда, заполонили Москву, украинцы чертовы, чеченцы.

Я молча заперла дверь. Какой смысл спорить с такой? Объяснять ей, что я родилась в столице? Да какая разница, где я появилась на свет, ничего плохого ведь не сделала! Да, наш двор забит машинами под завязку, и у ребят для прогулок остался крохотный пятачок с чахлой, буро-серой травой, но проблему-то руганью не решить!

– Дея, Дея, Дея! – раздался нервный крик. – Ты где, противная собака? Дея! Дея!

Варвара Анисимовна мигом переключилась на новый объект:

– О! Поразвели кобелей! Пенсионерам еды не хватает! Всю Москву засрали, ступить негде! Ходют, блохами трясут! Порядочному человеку носа не высунуть. Чеченцы! Украинцы! Понакупали уродов!

Я пошла к подъезду, возле которого металась другая соседка, круглая, как мячик, Анна Кузьминична из девятнадцатой квартиры.

– Опять Дея убежала? – улыбнулась я.

Анна Кузьминична очень милая женщина, ей в отличие от патологически злобной Варвары Анисимовны и в голову не придет орать на вас из-за неправильно припаркованной машины. Три года назад Анна Кузьминична похоронила любимого мужа и затосковала. Чтобы мать воспряла духом, сын Анны Кузьминичны подарил ей щенка пуделя, шкодливую Дею. Свою психотерпевтическую роль собачка выполняла с блеском. Анна Кузьминична обожает собаку, называет ее

доченькой и готовит ей фрикадельки из парного мяса. Гадкая собачка редкая капризница. Она соглашается есть лишь телятину и филе грудки «Золотой петушок». И уж будьте уверены, если пес это лопаёт, то продукт отменного качества. Одна беда, два раза в год Дея становится совершенно неуправляемой, она срывается с поводка и уносится в неизвестном направлении. Когда собака исчезла впервые, Анна Кузьминична прибежала к нам в слезах, до полуночи я, Кристина, Томочка, Семен, Олег и Ленинид бегали по близлежащим дворам и улицам в поисках собачонки, у которой просто заработал основной инстинкт.

Самое интересное, что, нагулявшись всласть, Дея всегда приходит домой. Анна Кузьминична, причитая, моет любимицу, а потом, через два месяца, на свет являются бастарды неопределенного вида и странной конфигурации, меньше всего они похожи на пуделей, и бедная пенсионерка потом пристраивает их в «хорошие руки».

В прошлом году Анна Кузьминична поехала к родственнице в Киев. Естественно, Дея отправилась вместе с ней. Не успели они прибыть в столицу Украины, как страсть схватила пуделиху за горло, и она удрала. Анна Кузьминична очень перепугалась. Дея довольно свободно ориентируется в Москве, но сумеет ли она столь же элементарно найти дорогу домой в незнакомом городе?

Бедная старушка бегала, оглашая округу воплями: «Дея, Дея, Дея...»

Минут через пять к ней подошел молодой парнишка, годящийся ей по возрасту во внуки, осторожно тронул за плечо и с выражением самого глубокого сочувствия на лице сказал:

– Тетка, успокойтесь, вы у Киеве!

Бедная Анна Кузьминична не поняла, отчего парень решил сообщить ей название города, и сказала:

– Ну да, я в Киеве, знаю!

– Тогда почему вы все время спрашиваете: «Де я? Де я?» – удивился юноша.

Тут до Анны Кузьминичны дошло, что «де я» в переводе с украинского означает «где я» и что все соседи просто приняли ее за сумасшедшую.

И вот сегодня Дея опять умчалась на поиски кавалера.

– И не говори, Вилка, – запричитала Анна Кузьминична, – вот чертовка! Улепетнула в момент! Дея, Дея, Дея!

– Хоть бы она подохла, – рявкнула Варвара Анисимовна, – в подъезде чище станет!

Анна Кузьминична заломила руки.

– Нельзя же быть такой злой!

Варвара Анисимовна сложила губы куриной попкой. Я пожалела Анну Кузьминичну, сейчас ей достанется по полной программе, но Варвара Анисимовна не успела сказать даже слова. Хлопнула дверь, из подъезда вышел бледный Ленид.

– Ты куда? – спросила я его.

– В аптеку, – пробурчал папенька, – голова раскалывается.

Я посмотрела на него, Ленинид выглядел не лучшим образом, глаза словно провалились, под ними появились огромные синие круги.

– Пошли вместе.

– Сам схожу, – отмахнулся Ленинид.

Но мне почему-то не захотелось отпускать его одного.

– Прогуляться хочу, по свежему воздуху пробежаться!

– Дея, Дея, – надрывалась старушка.

Ленинид схватился пальцами за виски.

– М-м-м...

– Что это с ним? – испугалась Анна Кузьминична.

– Допился до смерти, – радостно заявила Варвара Анисимовна, – ща паралич расшибет! Это часто с алкоголиками случается! У нас сват в кровати десять лет гнил, всех извел!

– Типун вам на язык, – обозлилась я.

– Вот молодежь пошла, – завелась злобная бабуля.

– Кузьминична, – вдруг тихо сказал Ленинид, – твоя Дея сидит через три дома отсюда, во дворе, в яму она провалилась, там трубы кладут. Беги скорей, выручай, похоже, у ней лапа сломана.

– Ой, горюшко! – подхватила Анна Кузьминична и бодро засеменила за угол. – Ну дела!

Варвара Анисимовна тоненько засмеялась.

– Правильно, Ленинид, пусть побежит, жиры растрясет! Только чего так близко отправил? За три дома! Послал бы в

Балашиху, вот оттуда не скоро вернется!

Папенька сделал пару шагов, потом повернулся.

– Скажи, Варвара Анисимовна, ты давно у врача была?

– А че? – насторожилась бабка. – Хожу регулярно, то там стукнет, то здесь заскрипит.

– И как ты себя чувствуешь?

– Твоими молитвами, – окрысилась Варвара Анисимовна.

– Поди завтра кровь сдай.

– Зачем?

– Она у тебя словно сироп, еле течет, – пояснил Ленид, – так и помереть недолго, сердце не справляется.

– Тьфу на тебя, – плюнула Варвара Анисимовна, – чтоб тебе ноги переломать и поперхнуться, алкоголику чертову!

Я дернула Ленинида:

– Ну хватит, пошли в аптеку.

Папенька покорно поплелся за мной.

– Какого черта ты решил со старухами шутить? – не выдержала я. – Прекрати из себя ясновидящего корчить. Одну бог знает куда отправил, другую напугал. Ладно, Варвара Анисимовна очень противная, так ей и надо, но Анну Кузьминичну за что? Она тебе чем помешала?

– Ничего я не придумываю, – тихо ответил Ленид, – просто увидел собачку на трубах. А у этой Варвары Анисимовны кровь так липко по жилам хлюпает, липко, страх смотреть!

Я рассердилась окончательно. Тот, кто встречается со

мною не первый раз, великолепно знает Ленинида¹. Папенька абсолютно несерьезное существо, правда, завязавшее с криминальным прошлым. Фантазия у него работает дай бог каждому, розыгрыши Ленинид обожает и с самым серьезным видом способен отчебучить такое!

Как-то раз мы с ним отправились в гости к Нинке Саватьевой. Мои «Жигули» сломались, и пришлось ехать электричкой. Нина справляла день рождения на даче. Я купила билет, а Ленинид наотрез отказался платить за проезд.

– Знаешь, доча, – принялся он философствовать, – лично мне это государство ничего хорошего не сделало, только за решетку сажало, отчего я должен ему за билет отстегивать?

Я хотела было возразить, что на зону папеньку каждый раз приводила страсть тащить все, что плохо лежит, но не стала напоминать ему об ошибках молодости, а просто предостерегла:

– Если войдет контролер, заплатишь штраф.

– Ни за что!

– Тогда тебя высадят из вагона.

– Никогда!

Я только покачала головой. Будем надеяться, что Ленинид не затеет свару в вагоне. Впрочем, проверяющие садятся не в каждую электричку.

Мы уже благополучно проехали несколько станций, когда

---

¹ История семьи Виолы Таракановой рассказана в книге Д.Донцовой «Черт из табакерки», изд-во «Эксмо».

двери вагона одновременно разъехались с противоположных концов и появились мужики в форме.

– Граждане, приготовьте билетики, – сказал один, поигрывая железным «компостером».

– Ну вот, – воскликнула я, – говорила же!

– Ты о себе беспокойся, – посоветовал папенька, – меня не тронут!

Мне даже стало интересно, что же он собирается предпринять в патовой ситуации. Хитрые контролеры, горя желанием поймать «зайцев», двигаются одновременно с разных концов вагона, проскользнуть между ними просто невозможно, мужики выглядят устрашающе, папашка без шансов победить их в бою.

Наконец один из проверяющих подошел к нашей скамейке. Я молча протянула ему билет, раздался легкий щелчок, и билет вернулся ко мне.

– Слышь, девушка, – немедленно спросил контролер, – идиот с тобой? Где его проездные документы?

Я глянула на Ленинида и чуть не зарыдала от смеха. Папашка сидел, привалившись к окну, на макушке у него красовалась невесть откуда взявшаяся оранжевая шапочка с зеленым помпоном. Глаза Ленинид скосил к носу, рот скривил и слегка приоткрыл, вид у него был самый что ни есть кретинский.

Сидевшая на соседней скамейке баба закопошилась и пододвинула к себе поближе сумки.

– Твой идиот? – повторил контролер.

– Нет, – моментально открестилась я от папеньки, – первый раз его вижу.

– Эй, мужик, – проверяющий потряс Ленинида за плечо, – давай билет!

– Ы-ы-ы, – протянул папенька, выпучивая глаза так, что я испугалась, как бы он не потерял их.

– Оставь его, Серега, – сказал второй контролер, – чего с дурака взять? Пусть сидит!

– Ну люди, – покачал головой Серега, – может, нам его в милицию сдать? Еще потеряется. Как думаешь, Колян?

– Не наше это дело, – нахмурился тот, – давай, двигай вперед.

Спустя минут десять они покинули вагон. Ленинид вернул глаза на место, утер слюни и гордо спросил:

– Ну как? Ловко я их разыграл?

– Слов нет, – вздохнула я.

– А ты-то хороша! – укорил меня папенька. – Отказалась от родного отца! Значит, если, не дай бог, я разума лишусь, на тебя рассчитывать нечего? Ну доча, ну молодец, пожалела папку.

И как бы вы отреагировали на такое? Я молча уставилась в окно на пролетающие мимо березки и ничего не ответила.

И если бы это была единственная дурацкая шутка, отмоченная отцом! Так нет же, вот теперь он решил прикинуться ясновидящим и экстрасенсом в одном флаконе.

Мы дошли до аптеки и встали в довольно длинную очередь. Лекарства отпускала тетка неопределенных лет, похожая на бочку с соляжкой. Она еле-еле двигалась, дергая ящички и бесконечно переспрашивая:

– Чего вам?

Наконец перед нами осталась одна женщина в серой курточке. Толстуха сердито повернулась к ней:

– А вам чего?

Та стала мучительно вспоминать название лекарства, но не преуспела в этом.

– Ну... такое... круглое!

– А поточней нельзя? – обозлилась толстуха. – Здорово объяснили! Круглое! Что же, у меня тут, по-вашему, одно овальное, одно квадратное и одно треугольное? Название говорите!

– Не помню! – растерянно воскликнула женщина.

– Ей нужны такие желтенькие мелкие таблеточки в прозрачном футляре, – неожиданно сказал папенька, – в столе у вас лежат, в ящике!

Провизорша вытащила коробочку и поинтересовалась:

– Они?

– Ой, точно, – обрадовалась покупательница, – спасибо вам, мужчина, как только вы догадались?

Ленинид развел руками:

– Не знаю, но вы их не пейте, у вас вот тут что-то болит, как нарыв, вам надо в больницу!

– Камни у меня в желчном пузыре, – растерянно ответила тетка.

– Кто же с камнями болеутоляющее пьет? – возмутилась аптекарша. – Хуже будет!

– А что пить?

Я с тревогой поглядела на Ленинида, кажется, его шутки далеко зашли.

– Слышь, сынок, – ожила в конце очереди бабка, – а у меня чего?

– У тебя ноги крутит, – пояснил папенька. – И вообще, до лета, похоже, не доживешь! Землей от тебя пахнет!

Людской хвост замер, потом мужчина лет сорока с возмущением воскликнул:

– Что вы себе позволяете?

– Она спросила, а я ответил, – не сдался Ленинид.

– Ступай отсюда, предсказатель.

– Сам пошел вон!

– Дайте цитрамон, – попросила я, не обращая внимания на перебранку.

Толстуха заковыляла к ящикам, и тут Ленинид заорал:

– Ой, стекло падает!

Народ шарахнулся в сторону, потом бабка, та самая, которой Ленинид пообещал скорое погребение, хмыкнула:

– Ты, сынок, никак из психушки сбежал!

Ленинид отвернулся, женщина, просившая боле-утоляющее, пошла на выход.

– Цитрамона нет, – возвестила провизорша.

В ту же секунду раздался звон и вопль, я быстро повернулась и увидела разбитую дверь. Женщина вломилаь прямо в стеклянную закрытую створку и расколотила ее.

– Что ты делаешь?! – заорала провизорша.

– Убилаь! – заверещала бабка. – Ой, до смерти порезалась!

Воспользовавшись суматохой, я вытолкала Ленинида во двор и сурово спросила:

– Немедленно отвечай: как ты это проделываешь?

– Что?

– Все! Как стекло разбил?

– Это не я!

– Но ты закричал за секунду до происшествия!

Ленинид помолчал, потом промямлил:

– Это все шкаф.

– Какой?

– Ну, кухонный, который мне на башку свалился! Сдвинул мне мозги на сторону, и теперь я вперед вижу. Бабка эта скоро помрет.

– Ну хватит, – рывкнула я, – предсказатель! Шагай домой, Джуна!

Ленинид молча отправился в обратный путь. Не говоря ни слова, мы дошли до подъезда, и тут на нас налетела Анна Кузьминична.

– Ленинид, миленький, – затараторила она, всовывая па-

пашке пакет, – возьмите, не побрезгуйте, от чистого сердца купила!

– Что там? – папенька отступил назад.

– Там пиво, – сказала соседка, – хорошее, чешское.

– С какой стати вы решили Лениниду хмельное покупать? – хмыкнула я.

– Так Дея моя, – замахала руками Анна Кузьминична, – сидела, бедняжка, в яме, на трубах, с подвернутой лапой. Так бы и погибла доченька, если бы Ленинид не подсказал, где ее искать! Уж возьмите, уважьте меня!

Я просто остолбенела, совершенно не понимая, что делать с Ленинидом. Ну, папенька! Окончательно выжил из ума! Значит, он непостижимым образом стал свидетелем того, как Дея свалилась в яму, и вместо того, чтобы вытащить визжащую от боли и ужаса собачку, ушел домой, а потом устроил цирковое представление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.